
КРУПНЫЙ ЖАНР РОМАН, ПОВЕСТЬ

Юрий Клеванец
(г. Осиповичи, Белоруссия)

КАЛКА
Киноповесть

Родился в г. Красноярск-26 (Железногорск) в 1964 году. Окончил школу в г. Осиповичи в 1981, МАИ в 1987 году. Литературной деятельностью занимается с 1994 года, с 2004 года — в «Полоцкой Ветви». С 2009 года — секретарь секции критики.

1

В лучах восходящего солнца падают капли. Капли падают с деревянной доски зашивки стрехи соломенной крыши. Из волокового оконца выбивается дымок. Немного покосившаяся хата с завалинкой (простая подсыпка), высоким крыльцом, открытой маленькой дверью.

Маленькие, в ладонь высотой окна с «засовками». Двор, огороженный частью плетнем, а частью — частоколом (там, где он выходит на улицу). На частоколе — белорусские «постилки» и рогожи. Сарай, раскрытые ворота — «вешницы». Голые мокрые кусты с большими почками.

Солнце блеснуло, спряталось за тучу. Весеннее хмурое утро. Крики галок, запахи поля, слегка колышутся тонкие ветки берез.

Еще хаты, крытые соломой и лубом, хлева, грязная улица, с двух сторон — частоколы, кое-где разломанные, деревянные тротуары — «мосты», труп лошади с задранными копытами. Галки и вороны стаями кружат в небе.

Спуск к реке, перевернутые челны на берегу, на тропинке — брошенное коромысло с одним деревянным ведром. Низкие тучи отражаются в темной, уже поднявшейся воде. Упругие струи гнут полузатопленные прибрежные кусты. На другом берегу реки неровная линия леса.

Догорающая небольшая постройка, посередине — остов «черной» печи, разбросанные черные остатки бревен. Куры, гуляющие по улице, на «мосту» валяется кусок белой ткани.

Еще одна улица, куча рухляди: дежки, белорусские «цебары», «кублы» без крышек, какие-то рогожи, колесо, телеги с задранными вверх оглоблями, запряженные, нагруженные и пустые телеги. Люди — мужчины в подпоясанных кожухах, у многих топоры за поясом. Те, что не заняты с лошадьми, смотрят в одну сторону. Некоторые забрались на телеги.

Перед последним рядом дворов «окольного города», на чистом месте строй пеших воинов с луками. В задних рядах — лес копий. Больше двух сотен конных копейщиков. Посредине — знамя с ликом Св. Михаила. На упряжи лошадей большие металлические защитные бляхи, поводья сделаны в виде широких кожаных защитных фартуков с зубцами. Всадники держат шлемы в руках.

Все смотрят на «град» скрытый за валом и стеной. От него до «окольного города» метров 250—300. Настил моста, ведущего через ров к воротам, частично разобран.

На «заборолах» стены града вооруженные люди смотрят на дружину у «окольного города».

Снова конная дружина. Вокруг знамени группа «старших».

Разговор:

— Убьют тебя, не ходи.

— Я пойду, я им сам скажу!

— Не ходи!

Один из всадников в меховом колпачке с красным верхом передает другому свой шлем с золотой инкрустацией. Блестят доспехи и ременные бляхи. Лицо — подобное тем, которые рисует художник Глазунов.

Конь, махнув хвостом, уносит всадника ближе к стене. Вьется плащ. В этот момент за стеной ударяет колокол. Лучники на забороле присели под бруствером, приготовились стрелять. Арбалетчики крутят рукояти взвода тетивы арбалетов. На «затинном» прострелстве горят костры с котлами. Много хмурых людей. На воротную башню спешно поднимается руководитель обороны с двумя воинами. В этот момент всадник без шлема, подскакав ближе ко рву, кричит, подняв руку:

— Вы мой город! Покоритесь! Я ваш князь! Так решили все князья! Покоритесь!

Арбалетчики на стене целят в пляшущего на лошади всадника. Злые лица. Разговор: «А Ходоту убил!» «Сам хуже поганого».

Начальник обороны поднялся на башню, кричит: «Без приказа не стрелять!» В этот момент один из арбалетчиков, выцелив постоянно прыгающего туда-сюда князя, нажимает на спуск.

Стрела попадает тому в шею. Бьет колокол. Князь запрокидывается на спину. От группы всадников отделяются несколько человек и змейкой, прикрывшись щитами, с разных сторон скачут к князю. Бьет колокол, стреляют лучники с заборол. В дружине замешательство.

Князь на руках дружинников. Стрелу ломают, вытаскивают (князь громко стонет), пытаются унять кровь.

Раненый оглядывает всех, тяжело говорит:

— Я хотел как лучше. Теперь все ваше.

Дружинники значительно переглядываются между собой. Лицо старшего из них меняет выражение, становится властным. Старший кричит: «Строиться!»

Убыстряющееся действие. Трубит один рог, через секунду — другой. Молодые «отроки» несут на носилках князя. Один из них пытается надеть на голову князю красный меховой колпак, но затем просто кладет шапку в носилки. Вокруг водоворот людей и помощников, и просто любопытных.

Во граде бьет набат. Конная дружина с копьями выстраивается в три линии. Шлемы в руках. Суетливо с двух сторон дружины строится пехота: лучники впереди, копейщики сзади. Вновь кричит старший: «Стрелки вперед!» С двух сторон дружины трубят два рога.

Обходя конников справа и слева, бегут лучники, перестраиваясь на ходу в редкую цепь. У каждого два колчана за спиной. Лучников прикрывают щитники. За лучниками бегут копейщики, выстраиваются в шеренгу.

Мужики с топорами, кольями и веревками валят частоколы «окольного города», рушат хаты. Бревна, брусья, доски бегом несут к настилу не до конца разрушенного моста. По ним стреляют со стен и с башни. Цепь стрелков старается помешать противнику целиться. К цепи бегут еще стрелки и начинают бить горящими стрелами. Гудит набат.

2

Ясный солнечный день в конце февраля — начале марта. Городские улицы и площади заполнены народом. Там-сям горят костры, кто-то через них прыгает, толпа подбадривает прыгунов. Мимо идет священник, криворотится, крестится, плюет в сторону. От ближайшего костра здоровые мужские глотки приветствуют священника: «Здрав будь, отец! Иди, выпей с нами!» Священник с каменным лицом идет мимо, но, пройдя несколько шагов, едва не натывается на совершенно пьяного мужика, который не может ровно стоять, не может говорить, но, тем не менее, при виде духовной власти пытается с уморительно-почтительной миной делать какие-то приветственные жесты.

Вот широкое крыльцо лавки, торгующей дорогим товаром. К ней подходят в окружении свитских женщины в шубах с дорогим мехом или с атласным покрытием.

Вот два богато одетых человека — «контрактеры» — оптовики стоят на широком крыльце богатой лавки, опершись на перила, смотрят на гуляющую толпу. Один говорит задумчиво: «Да, греческое вино лучше болгарского. Ну, пойдем, зайдем, покажу тебе свой товар». Открывает дверь, ведет гостя мимо стойки со вскочившим приказчиком в заднюю комнату. Кричит: «Акулка! Акулка! Иди, свети!» Входит еще один приказчик с подсвечником. Купец открывает один из стоящих в клети сундуков, берет оттуда шкурку куницы, встряхивает, показывает гостю. Тот смотрит на свет, ощупывает.

Крупный план: не совсем чистые руки заворачивают в блины лежащие стопкой на столе квашеную капусту, доставаемую тут же из бочки, затем перекалывают их на другой стол. Там множество рук эти блины разбирают, оставляя мелкую монету, которая тут же переправляется под кожух, на могучий живот, в поясную калиту. Рядом торговец руками вылавливает из бочки моченые яблоки. Вот прохаживается одетый в сукно человек со связками сушеной рыбы на шее. Тут же еще один бородач из большого кувшина, обмотанного войлоком для сохранения тепла и подвешенного на ремне через плечо, разливает в подставленные кружки горячее, парящее варево. Вот смачно пьющие и жующие бородачи. Вот девушки и женщины окружили продавца лент, женщины кричат, девушки шушукаются. Продавец отвечает сразу всем, кричит, хвалит чьи-то красные щеки, к которым подходит вот такая дамасская ленточка и так далее. Вот на снегу сидит целая капелла лохматых певцов без шапок, стройно поющих что-то эпическое. Зрители сопереживают, некоторые стоят, просто раскрыв рот. Вот с визгом прыгают на доске-качелях две совсем молодые девушки-оторвы, парень кричит одной из них: «Эй, Малка, держи сподницу, а то слетит!» Тут же стайка из желающих попрыгать ждет своей очереди, хлопают в ладоши в такт качаниям, кричат: «Зыбай! Зыбай! Дам блинов с рыбой!»

Лошади, жующие овес в мешках, сани с задранными оглоблями, есть уже и две телеги-двуколки. Нахальные галки.

Вот в толпе ходит высокого роста чиновник или дружинник, шуба одета в один рукав, под шубой — явно оружие. Завидев его, торговцы опускают глаза, стремятся раствориться в толпе. Впрочем, служивый пьян, он говорит, ни к кому не обращаясь: «Да что вы! Я — ничего! Я сегодня добрый!» Проходя мимо торговца мочеными яб-

локами, служивый сам запускает руку в бочку, достает яблоко, откусывает кусок, а остальное швыряет в толпу и улыбается. Торговец как бы не замечает самоуправства.

Крик: «Пирог, калачи, подовые, медовые, налетай, крещеные!»

Множество детей и собак: что-то жуют, бегают друг за другом с визгом, смехом, криком и лаем, дерутся, отирают соплю, отнимают друг у друга лакомства, с любопытством смотрят на происходящее и всюду суют носы.

Вот довольно высокая комната в бревенчатом доме. Стены обиты шкурами как обоями. Яркий блеск солнца в небольшое слюдяное окно. На стенах масляные светильники. Часть одной из стен занимает белый бок печи (печь могла быть и кафельной). По периметру стен — лавки с резными ножками, стол из белой липы сдвинут в угол, пол покрыт ковром. На ковре по-татарски сидит старый лысый усатый хан Котян. Группа женщин в меховых безрукавках с «намитками» на головах только что принесла ему на металлическом блюде кушанья и вино в стеклянной бутылке. Блюда поставили на ковер, а бутылку с чаркой на стол. Теперь они столпились у входа.

Котян внимательно рассматривает еду, затем поднимает толстое лицо с жесткими черными глазами и говорит по-тюркски: «Отпусти женщин, дочка. Пусть они накормят моих людей. А ты послужи мне, старику».

Женщины в намитках похожи друг на друга. Одна, самая маленькая, немного гортанно говорит по-русски: «Идите, накормите людей». Женщины друг за дружкой уходят в низкую дверь. Маленькая остается, стоит и смотрит несколько выше головы собеседника.

Котян с чуть заметной усмешкой повторяет: «Послужи старику, который бегает по степи, не моется и дурно пахнет». На его лице блики от слюды окна и от светильников. Женщина делает небольшой шаг вперед: «Все перед тобой, отец». Теперь видно, что у нее смуглое лицо и темные, немного раскосые глаза.

— Ты уже совсем стала русской. Моешься каждую неделю горячей водой. Цареградскими благовониями умащиваешься. Русскому богу молишься. Все так. Все вижу. А я тебе подарок привез. Не обижайся на глупого старика. Не брезгуй, возьми.

Хан достает из-за пазухи одежды, не имеющей воротника, пучок полыни, перевязанный ниткой, дает его женщине.

— Благодарю тебя, отец,— женщина спокойно берет полынь, нюхает, а затем прячет под безрукавку.

— Посиди со мной. Только ты, наверное, разучилась сидеть по-нашему. Тебе нужен трон или кресло.

Женщина молча подбирает платье и садится напротив отца по-татарски.

— Ты хорошая дочь. Не побрезговала стариком. Вот бы теперь на тебя твой муж и твой русский шаман посмотрели бы. Вот бы обрадовались. Ну, ладно. Вот тебе еще подарок.

Котян протягивает дочери маленькую золотую женскую статуэтку, явно сделанную не полонецкими руками.

— Ты знаешь, кто это? Не забыла?

Женщина кивает, целует статуэтку и прячет в одежде.

— А теперь скажи, почему нет Мстислава? Я же извещал о приезде. Он не хочет меня видеть?

— Мстислав был в Белзе. Он знает. Он вернется завтра.

— Ничего он не знает. И ты не знаешь. На нас напали татары. Были три большие битвы. Улан убит. Шика убит. Весь род Тегилея убит. И дети, и внуки. В роду Ворона тоже все убиты. Гека ты помнишь?.. Тоже убит. Наших отогнали из приморья на север. Много детей умерло. У Нонки дети умерли и у Айгуль. А ты ничего не знаешь.

Видение женщины: яркое солнце, огромное, притягивающее к себе небо с легки-

ми облаками, весенняя степь волнами бежит под брюхо коня и под ноги всадницы, расцветающей девочки-подростка, рядом — другие ребята на лошадях, девочки и мальчики в остроконечных войлочных шапках, летящие по ветру волосы, смех, веселый крик: «Эй, Котянова, поскакали к ручью! Кто быстрее!»

Развевающиеся гривы лошадей, бешеная скачка.

Снова комната. Женщина спокойно отворачивается к окну. Беззвучно плачет.

3

Пасмурный день ранней весны. Внутренняя часть большого двора, образованного деревянными постройками разной высоты. Кричат петухи. С крыш течет, под ногами снежная каша вперемешку с навозом. На дворе больше двух десятков молодых людей с лошадьми у коновязи, расположенной напротив парадного крыльца. Они, деловито переговариваясь друг с другом, осматривают и подтягивают подпруги лошадей, перебирают экипировку, приторачивают какие-то узлы к седлам, вскакивают в стремена для проверки. Молодые люди отличаются друг от друга: одни из них — витязи в шубах и шапках из дорогого меха, другие в суконных колпаках и в овчинных полушубках или даже в сермягах — оруженосцы. Все вооружены, у витязей к тому же кольчуги под одеждой. К этой группе из нижних дверей парадного дома подбегают слуги, приносят какие-то свертки, предметы, поддерживают коней, уходят назад. В дверях других построек стоят, переговариваются, крестятся любопытные бабы и девки.

Все молодые люди столпились перед парадным входом в большой дом. В большом доме отворяется верхняя дверь, с крыльца спускаются четверо слуг, ловко расстилают на его нижней широкой ступеньке коврик, на него ставят резную тумбочку или столик, на тумбочку — широкий тяжелый металлический сосуд со святой водой и кладут крест, сами становятся по сторонам для охраны. Слуги длинноволосы, как студенты, но лица у них как у бодигардов. Сверху снова отворяется дверь, ведущая на парадное крыльцо, из нее выходят: князь Мстислав Удалой, мужчина средних лет, небольшого роста, остроносый, с рыжеватой бородой, в меховой шапочке-колпаке с острым красным верхом, за ним священник, человек столь же небольшого роста, но более плотный, хан Котян, двое воевод — здоровяков с жесткими лицами: Юрий Домажирич, он пониже ростом, но шире и Держикрай Владиславович. Воеводы без шапок, им лет по тридцать, у Держикрая шрам через все лицо. Все посторонние убираются со двора, только в дверях боковых построек по-прежнему толпятся любопытные.

Князь:

— Здорово, молодцы! Все ли здесь собрались? Все ли у вас на месте? Все ли накормлены? (Священник в это время не спеша спускается вниз).

Всадники снизу хором:

— Здрав будь, князь-отец! (Дальше — вразнобой, но громко).

— Все здесь! Мы готовы! Все у нас есть!

Князь:

— Тогда с богом, дети! Отец Дионисий, теперь твоя очередь!

Священник на коврике. Он в торжественном облачении. Левой рукой поп поднимает с тумбочки большой крест, говорит приличествующие случаю слова. Все, кроме Котяна, сняв шапки, крестятся. Воины и оруженосцы, не толкаясь, по одному подходят целовать крест. Правой рукой священник крестит подходящих Лица воинов: есть и пухлые, и скуластые, и белые, и смуглые, кто с бородкой, кто с усами, один задумчив, а другой ретиво-бесшабашен. Спокойное и твердое лицо князя, он уверен в том,

что все делает правильно. Торжественное лицо отца Дионисия. Котян из-за спины Мстислава быстро перебегают глазами с одного воина на другого. Воеводы то подозрительно косятся на хана, то смотрят на воинов.

На заднем дворе по-прежнему орут петухи.

Стражник открывает ворота. Кавалькада всадников покидает двор, усиленный въездной башней, едет по узкой улице (с двух сторон глухие стены или заборы, над заборами кое-где торчат головы любопытной челяди). Воины, объезжая лужи, минуют церковь, за ней — открытые ворота града (им машут руками и громко кричат, прощаясь, воротники, сами посыльные тоже кричат в ответ). Копыта грохочут по деревянному мосту, ров поверх льда уже наполняется зеленой водой. Кавалькада рысью проезжает знакомую нам торговую площадь и, разгоня криками и плетью мешан, катит к воротам окольного города.

В это время князь и воеводы надевают шапки, Священник поднимается к правителю, слуги за ним быстро убирают тумбочку и коврик. Князь говорит хану: «Я сделал, что мог. Теперь все в руках божьих. Ты сам все видел». Все в том же порядке, как пришли, уходят с крыльца.

Над городом, над куполами церковей кружит-галдит стая галок.

А всадники уже за городом, в поле, на развилке дорог, у покосившегося большого деревянного креста. Здесь отряд разделяется на две части, воины прощаются друг с другом, машут руками, скачут по холмистой равнине, обгоняя сани и пеших путников — одни к близкому лесу, а другие — к горизонту, затянутому туманной дымкой.

4

Пасмурный день. Из леса на поле идет обоз. В лесу белые полосы не растаявшего снега, поле почти чисто. Кое-где стоит вода. Вид обоза подобен фотографиям беженцев времен Великой Отечественной войны. В обозе бабы, девки, дети с котомочками, с торбами, с мешками. Кто едет на телегах, кто идет пешком с палочками. У всех лица без глаз, все смотрят в землю. На телеге плачет маленький ребенок, мать утомленно и без особых эмоций говорит вечные слова утешения. На другой телеге еще четыре бабы с детьми на руках качаются на ухабах, как неживые. На следующей телеге одна из сидящих шепотом бормочет молитву. Вокруг гарцуют всадники в боевом облачении.

Обоз останавливается. Конники, что ехали впереди, машут руками: навстречу к ним по дороге приближаются три кавалериста. Старший из охранников выделяет двух человек из своей команды они пускаются в галоп к незнакомцам. Остальные кучей сгрудились на обочине дороги. В лесу кричит какая-то птица.

Через полминуты посланцы возвращаются вместе с пришельцами. От группы всадников перед обозом выезжает старший. Теперь видно, что это тот, кто в первой сцене руководил штурмом города. Один из приезжих — воин-посланник Мстислава Удалого, молодой пригожий парень, похожий на артиста Склера в молодости, двое других — оруженосцы. Молодой воин сходится с боярином. Обмен приветствиями. Боярин расплывается в добродушной улыбке.

— Да ты не сын ли Путяты Веремеевича?

— Не сын, племянник.

— А я-то себе думаю: что-то лицо знакомое! Ну, рассказывай, племянник Путяты, с чем пожаловал? Да давай-ка поцелуемся!

Молодой витязь как бы невзначай царапает шпорой коня, конь отпрыгивает в сторону. Воин старается ногами и руками вновь вернуть лошадь на место.

— У меня поручение от моего князя к твоему князю.

Боярин, все так же добродушно улыбаясь, выдерживает паузу, разглядывая, как молодой укрощает непослушную лошадь, а потом говорит: — Князя с нами нет. Его ударили стрелой в шею. Жив ли будет — неизвестно. Говори здесь со мной. Я все равно буду старший.

— Князь не говорит?

— Я же сказал, племянник, — он при смерти.

Опять пауза. Где-то близко затрещала-засвистела птичка. Молодой воин пытается рассмотреть что-то в лице боярина, Но боярин непроницаемо добродушен.

— А сын?

— Сын с мамками остался во граде. Княгиня приехала ухаживать за мужем... Слушай, Путятин племянник, а учен ли ты учтивости? — Боярин сбросил с лица улыбку.— Все, что ты скажешь им, дойдет до меня через полчаса. Я тебя не держу. Путь тебе чист, хоть к княгине, хоть куда. Но ты согрубишь мне недоверием. Да Путятя и должен был мне кое-что.

Опять пауза. Боярин снова улыбается.

Посыльный:

— Это что за телеги?

— Полон. А тебе Горох разве ничего не сказал?

Посыльный еще немного думает, затем вынимает из-под шубы футляр, передает собеседнику. Боярин ковыряет ногтем крышку, разворачивает свиток, читает, шевеля губами.

— Ну что, князь, сам видишь, никуда не поедет. Я такое дело тоже решать не буду. Так и отвечай Мстиславу. Да и не сильно-то помогут ему три сотни наших копий.

— Было же пять?

Боярин не ответил. Оборачивается к своим: «Поехали!»

Молодой — в спину боярину:

— Учтивый воевода, послов ведь принимать и кормить надобно!

— У меня и у моих людей ничего лишнего нет. Останавливаться я тоже не хочу — полон растеряю. Путь тебе чист, отрок! Хочешь — едь к князю с княгиней, не хочешь — во град скачи! Скажи там Курею — от меня. С богом!

Боярин отъезжает прочь. Мимо посланника и оруженосцев топают и едет скорбная вереница полоня. В небе над их головами летят, перекликаясь, гуси.

5

Солнечный день на исходе. С сосулек под стрехами бежит вода. В окнах большого двора на разные цвета блестят окрашенные стеклышки. В небо струятся мирные дымки из труб. У высокого крыльца соскакивает с лошадей еще одна тройка — посланник с оруженосцами. С крыльца покрякивает управляющий:

— Отроку Мстислава — мое почтение! Глыжка — принимай коней! Любка — веди людей воина в гридницу, в пекарскую! Баню, слышишь, баню не забудь! Люди с дороги, люди с мороза! Да послужи им сама-то! От тебя не отвалится! Проходи, дорогой, проходи, ждут уже тебя!

Посланник поднимается на крыльцо, проходит в низкую дверь.

Комната, освещенная разноцветными окнами и свечами, в ней горит печь. Стены обиты узорной тканью. В красном углу — резной деревянный затейливо украшенный трон. На нем сидит князь, на лавках по бокам — бородатые бояре. По правую руку от князя — священник.

Входит посланник, крестится на иконы, здоровается с поклоном в пояс с князем, затем, тоже с поклоном — с боярами.

— Я Михаил, сын Рюхи, отрок Мстислава Мстиславовича. Я привез тебе привет от моего князя, пожелание здравствовать и впредь. А еще я привез от моего князя вот это послание (достает футляр).

Князь берет свиток, читает, хмурится, потом говорит:

— Ну что, утро вечера мудренее.— (Стоящему за спиной отрока управляющему) — Проведи воина, накорми, в баню своди, спать уложи, все как положено, чтобы гость был нами доволен. Брат мой мне честь оказал, письмо прислал! И мы примем его людей честно, чтобы ни в чем нужды не было!

Отрок и дворецкий уходят. Бояре переглядываются. Князь переводит взгляд с одного на другого.

— Так вот, господа именитые! На тестя Мстислава Мстиславовича, на Котяна на поганого напали какие-то другие поганые и сильно его побили.

Кто-то облегченно вздыхает.

— Помолчи, Кирилл, я знаю, что ты скажешь!

Опять чей-то вздох.

— Так вот, Мстислав просит меня прийти на рать с этими новыми погаными. На эту весну.

Все опять переглядываются.

— Что скажете, именитые?

Один из бояр, бородатый с проседью брүнет, лет под пятьдесят, глядя перед собой, спокойно:

— А любит он, Мстислав, это дело. То в Новгород. То из Новгорода. Там повоевал. И там сабелькой помахал. Ни имения не нажил, ни к земле не прирос. С поганцем Котянном породнился. Носит его по Руси нечистый дух...

Князь усталым и презрительным голосом, как начальник на оперативке:

— Вратислав, ты хочешь, чтобы я так и ответил посланнику? Я-то отвечу, да скажу, что это боярский приговор. Нечистый дух принесет сюда Мстислава самое позднее — через три недели. (Повышая голос). И с Котянном! И где ты, лично ты, будешь тогда от него прятаться? На полатах? Под стряпухиным подолом?

Кто-то опять тяжело вздохнул.

— Говорите, господа, по делу — что мне отвечать посланнику?

6

Раскисшая дорога, мокрые кусты, с неба сеет мелкий дождик. По дороге шлепают двое всадников: посыльный, а за ним — оруженосец. Оба заметно промокли, оруженосец бурчит: «Говорил же — давай остановимся в селе, так нет, видишь ли, там курной дух нездоровый! Вот теперь набирайся здоровья, мокни!.. Скоро уже и в сапогах вода будет! Вот проржавеет кольчуга — я ее чистить не буду! Лучше в примачки пойду к Пикулихе...» Воин, повесив голову, едет молча.

7

Крупными хлопьями валит снег. Три заснеженные фигуры лупят ногами в какие-то ворота. Из-за снега видно только часть тына, а больше ничего. На уровне голов в воротах открывается зарешеченное окошко, оттуда — громкий испуганный голос: «Кто такие? Что надо?» — «Я посланник князя Мстислава Мстиславовича! На, смотри!» — один из стучавших сдергивает рукавицу, показывает в окошко перстень с печатью.

Весеннее солнечное утро в Киеве. Мощные валы, Блеск церковных куполов, первые листики в садочках, готовых зацвести, многоцветный базар на Подоле, перекличка петухов — все это будит какие-то неясные детские воспоминания об утраченном рае.

В Десятинной церкви идет обряд крещения. Митрополит в полном облачении, епископы, благочинные... В некотором отдалении стоят русские князья в шапках с боярами свиты (без шапок). Пылают сотни свечей. В синем полумраке горят золотом строгие лики на стенах и на иконах. Перед митрополитом купель — большой каменный ящик с черной водой. Спинай к зрителю стоят трое мужчин. Один в центре — укутан покрывалом, двое других — в зеленых сапогах и в цветастой верхней длиннополой одежде. Это половцы.

По знаку митрополита тот, что был под покрывалом, скидывает его и, совершенно голый, неуклюже лезет в купель. Телохранители бросаются помочь.

Мужчина проваливается в воду по шею, купель очень велика, вода из нее не выплескивается. Священник, произнося слова обряда, с заметным усилием окунает голову половца с длинными темными, немного вьющимися волосами в воду...

Один из присутствующих бояр, мужчина средних лет, стоящий за спиной молодого князя, говорит вполголоса, ни к кому не обращаясь: «Ну вот, был Бастыга — половец, враг поганый, а стал Иоанн, свой в доску».

Служба закончена. Одетый по-праздничному народ толпится на площади. На высокой паперти перед народом — несколько торжественно одетых священников. Вид от их спин на площадь. Ниже священников, перед толпой — цепь здоровенных парней в монашеских одеяниях. Еще дальше — вооруженные служивые. Толпа слушает священника, стоящего в центре, митрополита. Он заканчивает речь мощным, густым голосом.

— ...и будет от того единения во Христе, Господе нашем, великий мир Руси и великая тишина, и благодать всем добрым христианам. И видится в том великое знамение и милость, и любовь божья. И мы со смирением и благодарностью воспримем этот великий дар и великую милость. И будем усердно славить Господа нашего во имя отца и Сына и Духа Святого...

Вид от толпы на паперть. За спинами священников стоят в ряд князья со своими свитами, но из церкви вышли еще не все, из портала все идут и идут торжественно одетые люди, прибывают задние ряды.

Народ крестится.

Священники ушли, князья по одному в сопровождении свиты спускаются вниз. Дружинники охраняют дорогу.

Вид толпы. Перед папертью и вблизи от нее — несколько десятков человек «чистой» публики, вокруг — масса простонародья.

Вот сходит Даниил Романович, совсем молодой парень. У него западноукраинская внешность, длинные, немного вьющиеся каштановые волосы, густые брови, сияющее юное лицо, высокий рост. Люди свиты — под стать своему суверену. В толпе разговор: «А это кто?» — «А ты не знаешь? Данило — князь червенский!» Женские ахи и охи: «Красавчик! Ладушка!» Девушки во все глаза глядят на такого симпатичного парня, перешептываются, становятся на цыпочки, тянут шеи, чтобы разглядеть его из-за спин стоящих впереди.

Тут же толкаются дети, лезут между зрителями, получают шлепки и тумачи, раззывают рты от удивления.

Вот спускается еще князь, окруженный пятью боярами. Это Мстислав Мстилавович. Он явно ниже своих бояр, рыжеват, с небольшой растрепанной бородкой. Князь спор в движениях, несмотря на возраст. Он крестится на ходу, быстро нагоняя Даниила, отводит его вперед от бояр, что-то говорит. Даниил почтительно-добродушно улыбается в ответ. Женские и мужские голоса в толпе: «А это кто?» «Кто это?» — «Ну как же! Мстислав Удалой!» «Удалой! Удалой!» — «Вот это да!» — «Такой маленький — а Удалой!» — «Тише, услышат!» — «Никогда бы не подумала!» — «Смотри, Удалой!» — «Быстрый какой!» — «Наш пострел везде поспел!» — «А мне такие не нравятся!» — «Молчи, баба!»

Князя со свитой идут к своим коням.

С паперти сходит, крестясь, еще князь — летописный дородный муж, высокого роста черноволосый бородач, степенно шествует в окружении своей свиты — столь же здоровых бояр — к своей лошади.

Опять взрыв эмоций в толпе.

«А это кто?» — «Мстислав Черниговский!» «Черниговский! Черниговского не знаешь? Эх вы, полоцане! Сидите на болотах, никуда не вылазите, ничего не знаете!» Опять восхищенные женские возгласы.

Еще делегация.

«А это кто?» — «Не знаю!» — «А говорил, всех знаешь!» — «А этого не знаю.» — «Юрий Несвижский, вот кто!» — «Ух, ты!» — «Несвижский?» — «А-а!»

«Тоже молодой!» «Хорошенький!» — «В болоте сидит, литву воюет!»

Юрий постарше Даниила, блондин с немного пухлым белым лицом, светлыми бровями и ресницами, сонным взглядом водянистых глаз, эдакий взрослый младенец.

Еще князь со свитой.

«Кто?» «Кто?» — «Олег Курский!» — «У, какой сердитый!» — «У такого не посвоевольничаешь!» — «Ой, девки, какие брови у него!» Олег — поджарый брюнет с усиками и сросшимися бровями.

Вышедшие из храма князя и люди из свиты, сидя на конях, поджидают остальных. Толпа волнуется за линиями воинов охраны, толкается, сдержанно шумит. Наконец прокатывается всеобщий вздох — из портала появляется Мстислав Романович Киевский, немолодой человек с седыми волосами, редкой бородкой и цепким взглядом.

Затесавшиеся в толпе вижи и прихлебатели выкрикивают: «Отец наш!» «Слава!» Рядом с Мстиславом идут подручные князя Андрей и Александр. За князьями шествует немалая группа бояр. В это время в толпе какой-то парень ущипнул девку. Та визжит. Соглядатаи и вижи, только что славословившие князя, натягивают на лица маски свирепого рвения, расталкивая толпу, лезут в то место, откуда они услышали неподобающий шум. Некоторые в толпе боязливо расступаются перед вооруженными, другие норовят исподтишка толкнуть или прижать княжских цепных псов.

Парень уже в другой стороне площади. Он взглядом нашел давешнюю девку, разевает рот, делает ей какие-то знаки. Та сперва задается, делает вид, что не замечает ухажера, но потом не выдерживает и показывает ему язык.

Мстислав, как бы ничего не замечая, важно шествует в окружении свиты к лошадям.

Вот все уже в седлах, разноцветная кавалькада направляется по оцепленной воинами улице.

Большой зал в кирпичном доме. Пол выложен плиткой «в елочку». Расписные своды, озаренные свечами. П-образный стол, покрытый скатертями. В «красном углу» — набор икон, под ними несколько свечей. Посередине комнаты высятся две

колонны, поддерживающие свод, стол частично охватывает одну из них. На столе стоят только миски с хлебом и солонки, а также глиняные с глазурью и стеклянные сосуды с вином. За столом на лавках сидят князья и бояре — каждый князь в окружении своих. Между группами правителей княжеств — пустые промежутки. В углах и нишах стоят слуги, готовые подать и налить что скажут. Однако на них никто не обращает внимание. В центре сидит в окружении духовника, подручных князей и свиты Мстислав Киевский.

Все собрание повернуло головы в сторону Мстислава Удалого, он говорит, уперев взор в Мстислава Черниговского:

— Ты, брат Мстислав, сомневаешься в верности половцев. Но посулы ты от них взял. Взял и коней и рабынь. Теперь тебе вольно сомневаться.

Не будь ты мой брат, сказал бы я — мол, еще хочет взять! Я этого не говорю, брат, ибо знаю: велика твоя земля и многих сил и трудов требует! Но подними свой взор от земли. Не поможем мы сегодня половцам, завтра они неволей отойдут к татарам. Не хуже ли нам от того будет, братья и дети? Не больше ли трудов понадобится, чтобы держать столы наши? Не утишитесь и не замирится от того Земля Русская.

Пауза. Мстислав Киевский:

— Братья и дети, кто еще скажет? (Тишина). Я, старший во всей земле, уповая на бога, иду на войну вместе с братом моим Мстиславом и младшим Даниилом. Дети мои, я знаю, не покинут старика одного. Они бога чтут и старших уважают. (Подручные князья молчат, смотрят перед собой.)

Мстислав Черниговский:

— Ну вот, один глаза колет погаными полонянками, другой вот-вот скажет, что я старших не уважаю! Я и сам старший! И отец мой, и деды о Русской Земле печалились! И я ничего во вред Русской Земле не сказал и не сделал! А что говорю о половецкой неверности, так о том всем ведомо! И говорить здесь все братья вольны — мы все ветви одного ствола, внуки одного деда. И мы думаем здесь не о семейных делах, а о Русской Земле. И на это дело нужно смотреть со всех сторон. Так говорите, же братья! Говорите, дети! (Молчание.) Никто больше того, что сказано, не скажет? (Опять пауза. Один из бояр свиты Мстислава Киевского говорит соседу: «Кто здесь старше? Кто ведет беседу — Киев или Чернигов?») Значит мы решили идти и воевать.

Мстислав Киевский, который слышал перешептывания своих бояр:

— Дай бог тебе здоровья, брат, ты помог мне вести дело. Значит, братья и дети, мы уговорились. Будем целовать на том крест. Отец Иоанн, у тебя готово? (Священник важно кивает, Удалой переглядывается с сидящими в конце стола половецкими ханами. Половцы улыбаются свояку, а затем снова натягивают маски равнодушия.) Теперь будем говорить, как и куда пойдём. Начну я сам. Всем ведомо, что у меня в полку много пехоты. Я пойду вниз Днепра по воде и по суше с обозом и с плотниками, и с запасом дерева на острог...

11

Рассвет в степи. Проснулись, пробуют голос птицы. На травах роса. Балки с кустарниками на склонах, легкий туман внизу.

Внезапно поднимается целая стая птиц. Издали слышен нарастающий шум. В кустах на краю балки кто-то ворочается. Это человек в остроконечном колпаке с монголоидными чертами лица.

По степи скачет татарская сотня с бунчуком. Человек из своего укрытия провожает ее глазами, шевелит губами, а потом уползает вниз, в балку.

Появляется край солнца. Его приветствует птичий хор.

12

Утро. Мелководная затока на реке. Целое поле слегка волнующихся от ветра камышей. Редкие ракиты, кусты орешника сливаются на втором плане в сплошную зеленую массу. В камышах и тростнике копошится, прокладывая тропинку, давешний половец с лошадыю. Головы лошади и человека то утопают в сплошном тростниковом море, то вновь показываются среди зеленых волн.

Три половецких всадника на краю низины среди ракич смотрят на голову среди камышей, держа в руках луки, приготовленные к стрельбе. Только путник добрался до твердой земли — тут же крик: «Стой! Кто ты?» Тот останавливается, слегка оглядываясь, отвечает: «Амхар, сын Кульчи из рода Барана. Иду с вестью к Яруну». Старший из всадников: «Чубук, покажи дорогу человеку».

Один из половцев не спеша прячет лук в налучье, застегивает и отодвигает подальше колчан, вынимает саблю, говорит пришельцу: «Езжай впереди». Тот вскакивает в седло, оба скрываются за кустами.

13

По Днепру, по большой еще воде спускается флотилия из кораблей и ладей. Уже около полудня. Сказочный яркий день, волшебный украинский майский пейзаж. Все вокруг цветет—и на высоком западном берегу, и на низком восточном. Кучевые облака и паруса судов отражаются в воде, покрытой мелкой рябью.

Корабли идут в три ряда. Стройности рядов помогает песня с мощной ритмичной основой: что-то вроде «Уходили в поход партизаны» или «Славное море священный Байкал». В песне поется о седом Днепре, о голубом Дунае, о Черном море, о золотом Цареграде — какое там высокое небо, какие там великие цари, сколько там чудес, богатств и красных девок. На головных кораблях — флаги черниговского, киевского и галицкого князей. Князьи воеводы, как и положено, стоят на носу каждого из передовых кораблей. Рядом — трубачи. На палубах воины и оруженосцы точат оружие, отдраивают и чистят амуницию, кормят лошадей в станках. Поют все или почти все: кто-то увлеченно, во весь рот, кто вполголоса, закусив длинный ус. Поют гребцы, поют бояре, поют подростки-слуги. На каких-то кораблях — настоящие хоры с разными голосами, с подголосками.

14

Восточная сторона Днепра. Прикрытая редкой сторожевой цепью по слабо приметной тропе-дороге идет масса конницы под знаменами Курска, Смоленска, восточных черниговских пригородов. Катят обозы, идут стада скота, небольшие табуны лошадей.

На дальнем холме сторожа разглядели столб дыма от костра. Они собираются кучкой, затем один скачет назад — докладывать, трое — вперед, разведать, трое или четверо остаются на месте.

Разведчики приближаются к кургану. Оттуда им машут руками и копьями какие-то люди. Там бьет барабан. Трое русских всадников приближаются метров на сто пятьдесят. Слышны крики по-русски и по-тюркски: «Послы! Мы послы!» Чехлы луков и колчаны у разведчиков расстегнуты, один из них призывно машет плетью. С кургана скатывается всадник вполне русской наружности, но одетый по-степному в малахай и меховую безрукавку на голое тело. Он демонстративно разворачивается на коне, показывает пустые руки, кричит, обращаясь к тому, кто махал плетью: «Мы послы! Проводи нас к князьям! Будет тебе много чести!»

По степи скачут навстречу с одной стороны — князь со свитой, охраной, знаменем и рожечником, с другой, несколько медленнее — татары с бунчуком. В центре движения — трое разведчиков.

Князь (это Олег Курский) говорит ближнему всаднику, человеку заметно старше себя, но еще не погрузневшему: «Начинай, Бориска!» Тот громко:

— Я Борис, воевода курский! Кто вы и чего вы хотите?

Отвечает все тот же человек, русский по виду, одетый степняком: — Мы послы к русским князьям от Субэдэ-багатура, великого и грозного воеводы всемогущего Джучи-хана, сына покорителя вселенной Чингис-хана! Мы идем к князьям с добрым словом от Субэдэя! Проведи нас, и будет тебе большая честь!

— А не сын ли ты Карпоноса-разбойника, что на Северах клетки разбивал?

— Я воин и слуга мирзы татарского. Мои родители давно умерли. Чем тятка занимался — уже не скажет. А сила татарская велика и тяжела. Где сила — там и правда. Не вороши прошлое, боярин, веди к князьям.

По знаку Олега группа русских конников расступается, становится по бокам татар. Борис говорит своему собеседнику: «Иди вперед!» Все вместе удаляются в расположение русских.

15

Солнце уже сильно перешло за полдень. На холме восточного берега Днепра горит костер. Вокруг ходят несколько половцев, подбрасывая в огонь сухие куски плавника и ветки из собранных поблизости куч. Ближе к воде — кучка половецкой знати, среди них — хан Ярун. Идет разговор по-тюркски. Молодой воин:

— А если они проплывут?

Ярун: — Не проплывут. Они все равно где-то здесь должны будут останавливаться на ночлег. Ты лучше подумай, правильно ли ты поставил дозорных? Почему до сих пор нет вестника?

Все молча смотрят на реку. Блики солнца на воде, кружат и кричат чайки. С берега — топот копыт, скачет всадник, кричит: «Они плывут!»

Ярун поворачивается к парню, с которым только что разговаривал: — Это твой человек?

— Да.

— Пусть подъедет и назовет свое имя.

— Эй, ты, подойди!

Всадник подъезжает, слезает с коня, смиренно опустив голову, идет к начальникам. Свитский: «Кто ты?» — «Карагач из рода Чибиса». — «Вы там разожгли огонь?» — «Да!» Ярун властным голосом перебивает свитского:

— Я запомнил тебя, воин! Возвращайся в свой род!

Издали по реке несется песня. Появляются точки — флотилия русских князей. Половцы валят в костер сырую траву. Поднимается столб дыма.

16

Солнце спустилось еще ниже. Западный высокий берег Днепра. Один за другим пристают корабли. С небольшого возвышения за всем наблюдает Мстислав Удалой. На несколько сот метров по берегу стоят струги и ладьи, люди сводят с них коней, гонят на подъем — пастись. Другие жгут костры, что-то варят.

К Мстиславу спешно подходит Даниил в окружении отроков.

— Отец, здравствуй! У меня Ярун, важные новости!

Оба князя немного отходят от своих свит.

Даниил: — Татары направили посольство к нам. Послы сейчас у тех, что идут берегом. Они ведут себя чинно, говорят дельно. Предлагают мир. Ярун встревожен. Мир будет за его счет.

Мстислав чешет нос.

— Ярун полынь нюхал?

— Да. (Пауза).

— Наши должны были известить Мстислава Киевского. Ты не видел вестников?

— Нет.

— Мне тоже ничего не говорили. Они давно переговариваются?

— С полудня.

— Вот как? (Пауза). Будем считать, что вестников не было. Я отправлю туда двух своих людей, ты отправляй своих. Пусть узнают, что и как. Да, значит, вестников не было... Ты задержи Яруна и молчи. Я сам скажу все на пиру.

Прекрасный майский вечер на Днепре. От западного берега, из-за кораблей русских, из тени, отчаливают две лодки, в каждой из которых по несколько гребцов и по одной лошади. Лодки бесшумно спускаются вниз по течению.

Под открытым небом на корабле Мстислава Киевского — пир. Простой стол с красиво расшитой скатертью, лавки под коврами. На специальных подставках уже подготовлены факелы и греческие бронзовые светильники. На столе греческое вино в стеклянных сосудах, похожих на большие флаконы для косметики. Еда проста: мясо жареное и копченое, птица, рыба, капуста, лук, репа, каша, много черемши. Мстислав Киевский, подручные князя, ближние бояре и духовник князя встречают гостей, шумно поднимающихся на корабль по сходням.

После короткой молитвы князя рассаживают на лавки (киевский священник садится рядом с князем). За их спинами — слуги. Мстислав Удалой сел напротив киевского князя и сразу же начал:

— Плохие новости, брат. Татары отправили своих людей к дружинам, что идут степью. Мне это послал сказать Ярун (Даниил закашлялся, будто подавился). Здесь три старших князя (посмотрел на Даниила), ну, четыре. Ты — главный. Там только меньшие. Они должны были направить послов сюда. Сам знаешь, чем могут закончиться такие переговоры.

Пауза. Все князья смотрят на Киевского. Отрок-прислужник хочет порезать мясо в серебряном блюде, но Киевский отстраняет его. Говорит со скрытым раздражением:

— Ну вот, братья и дети, захотели отдохнуть, прохладиться... Все слышали? Говорите по старшинству.

Мстислав Черниговский:

— Ну, что тут сказать? Там идет моя тысяча с воеводой Куроедом. Куроеду я верю. Он не будет ничего делать за моей спиной (пауза). Да и верно ли ты говоришь, Мстислав?

Удалой:

— Я отвечу, брат. Ты хочешь, чтобы я предоставил верные улики? Но дело еще не сделано. Будет сделано — будут и улики. Но что тогда исправишь? Ребята получат мзду и разойдутся с полдороги. А ты думаешь, эти татары не знали, где здесь старшие и где — младшие и по ошибке к ним пошли? Не будем считать врагов глупее себя. Но ведь и те дети не должны были их принимать, а прямоком отправить к нам. Братья, я считаю, что надобно требовать этих послов сюда и убить.

Даниил Романович звонким голосом:

— Отцы и братья! Позвольте мне сказать. Я за то, чтобы не было меж нами розни. Если уйдут младшие, они откроют татарам половецкие кочевья. Значит, побегут и

половцы. Придется и нам поворачивать. Мало чести в такой войне: собирались, уговаривались, пошли, а с полдороги и разошлись. Как мы Русскую Землю тогда оправлять будем? Не будет нам веры, братья и отцы. Всяк будет тыкать нам этим бесчестьем. Ведомо всем: мужики переяславские и так шатки, с трудом держатся, а побегут они — и Киев будет открыт.

17

Русский стан в степи. Солнце садится. Горят костры, ходят стреноженные кони. Перед богатым шатром на лавках, составленных буквой «П» сидят младшие князья. В центре — Олег Курский. Справа и слева от него четыре князя, дальше — воеводы. За спинами начальства выстроились рослые охранники с рогатинами. Перед князьями стоит группа монгольских послов без головных уборов. Блестят бритые лбы, едва ли не до пояса свисают жидкие косы. Старший из монголов говорит, человек, похожий на русского, переводит.

— Зачем вы, русские, собираетесь на нас всею силою? Мы вам ничего плохого не сделали, не трогали ни городов, ни сел ваших. Мы пришли на холопов своих и конюхов, на половцев. Издавна они были в нашей власти, но вот возгордились, крутыми себя почувствовали и стали нам грубить. Мы их за это и бьем. А слышали мы, что и вам докуки от них много было. Так чего же вы их защищаете? Мы бьем их со своей стороны, а вы бейте со своей.

Олег Курский:

— Мы слышали твои слова. Уходи в свою палатку. Завтра мы тебе скажем ответ.

Охранники за спинами татар расступаются, передние воины, наоборот, напирают. Послы волей-неволей разворачиваются.

18

Снова совет на корабле. Солнце уходит за горизонт. Говорит Мстислав Киевский:

— Мы решили: татарских послов умертвить, от них не будет дела, а будет только разброд. Чтобы убедиться в честности младших дружин — сказать, пусть они их и убьют. Если отпустят — то будет измена. Будем тогда по-новому делить уделы. А если пришлют к нам — будем думать еще раз. Хорошо ли я сказал?

На берегу пробует голос соловей.

19

Послезакатные сумерки. По степи, распугивая поющих птиц, галопом скачут два всадника в металлических шлемах и наборных доспехах. В спины им светит розовый закат. Воины погоняют лошадей, растворяются в поднимающемся из балок тумане. Еще веселей зазвучал птичий хор.

20

Снова совет младших князей посреди русского лагеря. Он уже похож на шумный спор. Один из князей допытывается у Олега Курского: — Вот ты, Олег, всегда представляешься справедливым и с образом ходишь! А ты скажи честно — веришь Котяну и Яруну? Сколько половцы наших людей и данников побили? Да ты не вспоминай про Переяславль, ты на свой удел посмотри! Сколько они там у тебя побили, пожгли, пограбили — можешь сосчитать?

Олег в раздумье и сомнении. На его лице — сполохи света от костра: — Да, братья, не верю я половцам. Но я слово дал...

Еще один «младший» князь:

— И ты слово давал. И я слово давал. И Шумский давал. И Яневский давал. А все почему? А потому, что боялись мы, братья, как бы старшие про наши уделы не сели мыслить. А ты, Изяслав (он поворачивается к князю, который требовал честного ответа от Олега), еще одну думу имеешь: старший брат у тебя одною ногою в могиле, ты ищешь, как бы и его удел к себе привлечь! А на то надобно согласие старших! У них, у старших, в руках наша воля, как канарейка в силках! Все беды Русской земли оттого, что нету уже среди князей ни родства, ни братства, как отцы и деды нам завещали! Если и есть у кого с кем дружба, то только по уделам! Будь ты хоть младенец, а получи богатый удел — и ты старше седобородого!

21

Уже ночь. Две лошади в балке. С ними — воин. Второй воин уже без брони, в черном одеянии, осторожно лезет на гребень. Отсюда видны всадники сторожевого охранения лагеря «младших» русских дружин. Соглядатай осторожно ползет краем балки, минуя сторожевую цепь. Вот он уже ходит по лагерю, среди спящих вповалку на кошмах воинов, нагнувшись и покачиваясь, будто спросонья что-то ищет. Останавливается, подходит к одному из спящих, говорит: «Дядя, продай сапоги!» Тот мгновенно открывает глаза, отодвигается. Пришелец ложится рядом, шепчет: «Что да как?» — «Татары у нас. Посеяли сомнение среди наших. Сейчас они совещаются, уже долго. Только, думаю, отправят они послов к старшим, на Днепр. Все равно ничего лучше не придумают».

22

Радостное утро. Дружный птичий гам приветствует восходящее солнце. От солнца, распугивая птиц, движутся две точки, растут, превращаются в скачущих галопом всадников.

Вот солнце уже поднялось над горизонтом. Давешние конники подъехали к берегу Днепра. Восточный берег довольно высок, западный — поднимается синей горой. По воде в тени берега стелется туман. Кавалеристы заглядывают вниз, на реку — и тут же быстро отъезжают от обрывчика, прячутся в кустах: от воды поднимаются на берег какие-то люди. Неподалеку причалили два корабля, с них теперь сводят трусящих коней. Вскоре на возвышенности берега уже строится отряд конников человек в двадцать. Впереди князь в красной шапочке (это Андрей, зять Мстислава Киевского), за ним — знаменосец с флагом киевского князя. Отряд уходит на восток, в степь.

Два всадника осторожно спускаются к воде в стороне от кораблей. Разговаривают между собой: «Крикнуть надо бы!» — «Услышат эти (мотнул головой в сторону кораблей)... Да и спят они, наверное». — «Как спят? Ведь можно и голову проспять!» — «А что? Здесь тихо, от начальства далеко, солнышко греет. На, поддержи поводья, пойду искать». Скрывается в кустах.

Отряд русских всадников картинно скачет по степи. Все ребята как на подбор — то ли Васильевские, то ли Васнецовские богатыри. Впереди, осененный знаменем тестя, едет молодой князь.

Уже близко к полудню. К Днепру из стана младших князей в телегах под охраной везут татарских послов. Сзади слышен шум. Охранники оглядываются. Кто-то из татар, угрюмо сидящих на соломе в телегах приподнимается, его без церемоний уда-

ряют тупым концом копья в спину. Охранники готовятся отразить нападение: расстигивают колчаны, вытаскивают из футляров луки. Погоня приближается. Слышны звуки рога. Охранники переглядываются: «Олег Курский?» «Что случилось?» Уже видно, что впереди погони — два князя под знаменами. Метров со ста от телег один из князей кричит: «Отойдите от телег! Я, Олег, говорю!» Охрана, переглядываясь, неспешно отъезжает от телег. Тут же три-четыре татарина перепрыгивают через бортики повозок, бегут в степь. Вслед им летят стрелы. Всадники из погони, за какие-то секунды доскавав до обоза, рубят разбегающихся татар саблями, а затем, на всякий случай, еще и протыкают какие-то тела копьями. Обоз, охрана и приехавшие каратели разворачиваются и едут по своим следам обратно.

В степи снова светло и покойно. Над трупами колышутся травы, стрекочут кузнечики, поют птички.

Над травой осторожно поднимается голова татарина в малахае, он смотрит на убитых, затем — на удаляющихся русских, снова прячется.

23

Снова утро. На корабле Мстислава Киевского — еще одно собрание князей. Общая атмосфера неловкости, лица всех помятые. Мстислав, как старший, сидит в центре на позолоченном троне с маской величавого безразличия на лице. Остальные князья рассматривают блики на воде, перебирают четки или просто смотрят под ноги. Вокруг — вооруженная охрана.

Перед Мстиславом стоят четыре татарина. Один, перевирая слова, говорит по-русски:

— Мы на вас не нападали, а вы перебили наших послов. Вот идете теперь на нас. Идите, но только на все воля божья. С неба все видно — и кто прав, и кто виноват. Я сказал так.

Мстислав, сидя:

— Идите своей дорогой. Путь вам чист. Кому что суждено — тот то и получит.

Охрана выступает вперед. Послы, не попрощавшись, разворачиваются, перелезают с корабля в лодку.

24

Вечер на Днепре. Солнце уже село, отражение оранжевых и розовых облаков в воде. Лодки и корабли со спущенными парусами. На кораблях — тихая печальная песня. Одна лодка отделилась от остальных. На ней под мачтой — палатка, четыре охранника по углам, один — на корме, у рулевого весла. В палатке расстелен ковер, на ковре сидят по-татарски Мстислав Удалой и Ярун, предводитель половцев. Головы не покрыты. Огонь свечей, колыхаясь, бежит по их лицам — спокойно-ироничному у Мстислава, недоверчивому у Яруна. Блестят глаза. — Каково дошли, племянник?

— Я сделал, как мы договаривались. Мое войско в одном дневном переходе отсюда.

— Хорошо, но...

— Позволь спросить — что нового у вас?

Пауза.

— Мог бы дать мне высказаться, племянник.

Ярун сперва спокойно, но потом — более запальчиво:

— Ты вождь дружины, я вождь дружины. Мы здесь союзники, а не родственники. Я выполнил твои условия и хочу знать, что делается у русских!

— Боишься распри? Ха! Я и сам боюсь. Но пока все тихо. Я ничего не замечал, мои люди мне тоже ничего не говорили. В поход вышли все, кто был в Киеве. Черниговцы и киевляне не идут рядом. Было три стычки между моими и черниговскими. Это все, что я знаю. Я тебя успокоил?

— Не знаю, что ответить. За мной пять тысяч человек.

— Я тебе все сказал, остальное в руках божьих. Сомнения отнимают время. Слушай. Ты сейчас вернешься к своим. Выводи их к переправе. Будь осторожен, смотри по сторонам. Силами небесными тебя прошу — не лезь на открытое место. Там много кустов — спрячьтесь, костров не жги, выставь охрану. Мы будем переправляться, пошлем вперед свою стражу. Ближе к тебе я выставлю своих людей. У них будет красное знамя. Как увидишь, что замахали — вылезай из кустов, но не раньше.

Мстислав замолкает, роется в кармане, достает тряпочку, разворачивает, вынимает несколько стеблей полыни и, сделав, задумчиво-спокойное выражение лица, нюхает.

Ярун сперва смотрит на него с удивлением, затем быстро усмехается, вскакивает на ноги (ему надо пригнуть голову, чтобы не стукнуться головой о поперечину), кланяется, говорит: «До свидания, дядя!» Уходит.

На фоне догорающего заката — силуэт большой ладьи. От нее отчаливает челн. В нем — силуэты четырех гребцов и воина в шлеме. Челн уплывает к восточному берегу. С противоположного борта ладьи скидывают сходни, трясут факелом. Из кустов к борту идут люди.

На берегу горят костры. Над всем висит печальная песня.

25

Остров Хортица. Пасмурный, мокрый день. На берегу горят огни. Дым прибивается к воде. Возле костров ходят воины, нахохлившись, как птицы в непогоду, подбрасывают в огонь палки. На ветвях растущего неподалеку дуба, в 10—12 метрах над землей, устроено что-то вроде насеста, там сидит дозорный. С земли спрашивают: «Ну что? Видишь?» — «Нет». — «А ты не ослеп?» — «Если ты зрячий, то лез бы сам смотреть! Одно молоко кругом!» — «Бронька говорил — день пути им осталось!» — «Придут!»

С другой стороны острова слышны ритмичные звуки, сначала слабые, но затем все сильнее и сильнее. Звуки перерастают в далекую грустную песню с ритмичной основой.

На берегу — разговор сразу нескольких голосов: «Галицкие тысячи идут! Обогнали киевских! Домажирич идет, слышите?» Несколько человек, сбросив оцепенение, бегут к лошадям, скачут на противоположный берег острова.

Из тумана нарастает пение. Мощный многоголосый хор повторяет припев. Вот уже показались смутные силуэты судов. Корабли идут без парусов, на веслах, гуськом в одну линию. На первом корабле барабанщик у мачты задает стуком ритм и песне, и взмахам весел. Гребцы без шапок, в меховых безрукавках, у них загорелые до локтей руки, белые плечи, кирпично-красные лица. Воевода Юрий Домажирич в желтых сапогах и в белой, богато расшитой рубахе, стоит на носу первого корабля, кричит: «Держи лево!» Стоящий рядом трубач тут же трубит в рог, чтобы слышали идущие сзади. На корме здоровые молодцы вдвоем ворочают руль.

Трубач по знаку командира еще раз поднимает свой рог, дает сигнал. С берега, темнеющего размытой полосой, тоже трубят. Там у самой воды полыхают три костра. Корабль поворачивает влево, на их огни. Издали, с другого берега острова, тоже слышен звук рога.

Из палатки, поставленной за мачтой, выбирают воины, идут на нос судна. За

палаткой, в деревянных станках — лошади. Им тоже передается всеобщее оживление, они трясут головами.

Гребцы опустили весла в воду для торможения, корабль утыкается носом в песок. С носа на берег бросают веревки, их привязывают к вбиваемым тут же кольям, тащат дощатые сходни.

Рядом в песок врезается носом еще один корабль, его так же привязывают. Обшая суэта, разговор, приветствия, крики: «Ну как там море? Морских русалок не видели?» — «Видели, да тебе не привезли! Ты же у нас святоша!» — «Натягивай сильнее!» — «По одному сходим осторожно!» — «Ты, святоша, молись за нас!» — «Вы, ребята, первые успели!» — «А где киевские?» — «Не знаю, был от них Бронька, говорит — близко уже!» «Не так кладешь, перевернется!» — А на море благодать, ребята! Так бы и до Цареграда плыл!»

Из глубины острова выскакивает всадник, кричит зычно: «Дружины с верховых городов на подходе!» В ответ — радостные крики. К берегу причаливает еще один корабль.

26

Кустарник, мокрая трава, деревья в тумане. Кружками сидят понурые половецкие воины, переговариваются между собой, играют в кости, тихо ругают своих командиров: «Второй день в сырости сидим! Нет у Яруна головы, слушает русских, что ему скажут, то и делает!» В кустах бродят стреноженные кони.

Среди кустов, окруженный караулом, стоит шатер Яруна. Внутри без огня в кружок сидят сам хан и тысячники, молчат, не смотрят друг на друга, по-видимому, все слова уже сказаны.

Из кустов к палатке бежит половецкий воин, говорит какие-то слова стражнику, огибает его, согнувшись, втискивается внутрь: «Русские князья совещаются!» Ярун: «Я слышал. Больше ничего?» — «Нет». — «Долго. Корабли стоят, как стояли?» — «Да». — «Иди назад».

Вестовой бежит назад, по дороге чуть не сталкивается еще с одним воином. Тот, просунувшись в шатер, говорит: «Русские переправляются!» Ярун: «Все?» — «Пока не видно. Идут пять кораблей». — «Хорошо, возвращайся! (Пауза). Амбал, возьми две свои сотни, пешую и конную, подойди к краю кустов. Пеших поставь вперед, но не заходи на поле. А другую сотню спрячь за первой. И чтобы лошади не ржали! Потом, как сделаешь, пришлешь человека!»

Один из тысячников уходит, остальные вновь погружаются в оцепенение.

Разгрузка русских кораблей на восточном берегу Днепра. Уже нет шуток, воины деловиты и даже немного злы. Одного за другим сводят коней на берег, вскакивают в седла, переговариваются между собой,

Туман, кусты, перед ними — равнина. Из кустов на поле внимательно смотрит половец в валяном сером колпаке. За ним еще двое с луками в руках. Медленной рысью по мокрой траве луговины скачет отряд русских человек в двести, тех, что выгружались с кораблей. Вот всадники остановились, начали разворачиваться в редкую цепь. Одни поворачивают коней налево, скачут к половецким дозорным, другие уходят дальше в туман. Внезапно в тумане возникает и нарастает гул. Из степи приближается темная масса кавалерии. Русские, еще не успев развернуться в цепь перекрикиваются, снова собираются в единую массу, теперь уже ближе к кустам. Воины выхватывают из чехлов луки. Один из них поднимает небольшое красное полотнище.

На не успевших еще собраться в кучу русских с визгом и криком летят две татарские сотни. Сначала они нацеливались в центр цепи, но теперь, когда сторожа ото-

шли ближе к кустам, вынуждены повернуть. Вот уже полетели стрелы.

В момент, когда нападающие уже не могут отвернуть, из кустов выбегают гуськом десятки пеших половецких лучников и, путаясь в траве и в длиннополой одежде, отчаянно ругаясь, что есть силы бегут наперерез татарам так, чтобы те, налетев на русских, подставили бока под стрелы. За ними выезжает с диким воем половецкая конница, обгоняет свою пехоту, заворачивает для удара во фланг и тыл татарам. Пехотинцы, пробежав как можно быстрее метров сто, останавливаются и, развернувшись, дают в сторону татар два нестройных залпа. Не успевшая присоединиться к своим часть русских, что дальше других отъехала в степь, собралась в отдельный маленький отряд и теперь разгоняется для копейного удара. На все действие — 25—30 секунд.

От конницы татар отделяется группа (начальник и охрана) и пытаются уйти обратно в степь, скрыться за туманом. За ними немедленно гонятся легкоконные половцы.

Через несколько секунд основная масса татар окружена. Большой русский отряд принял их удар в копыта, со всех сторон наваливаются половцы и русские. Злая сеча.

Голливудская погоня половец за убежавшими от боя татарами. С вершин степных курганов на эту гонку смотрят половецкие каменные бабы со страшными лицами. Татары еще раз разделяются в надежде запутать погоню между холмов. Однако и половцы так же разделяются. Гонка продолжается.

27

На Хортице — погрузка войска на корабли. За ней наблюдает с прибрежного холма группа князей в «цивильных» одеждах, в меховых шапочках-колпачках и в красных плащах. Немного поодаль — вооруженная охрана. Один из князей — Мстиславу Удалому:

— Что же твой Держикрай огня там не зажжет?

Мстислав: — Не знаю.

— У всех бояре нормальные, только у тебя какие-то очень умные.

Мстислав: — Не ищи ссоры, брат, уймись.

— Я не ищу ссоры, я пришел сюда, как и говорил. А из Большого Гнезда никого нет! А у них войска столько, сколько у всех нас, вместе взятых!

Мстислав молчит. Отвечает, как старший, Мстислав Киевский:

— Ты уже так говорил. Все в руках божиих. Будем уповать на него.— Киевский князь истово крестится. Остальные, скосив глаза — тоже.

Затем все с подчеркнутым театральным вниманием начинают рассматривать картину погрузки и восточный туманный берег реки.

От берега острова отчаливает одна ладья с воинами, за ней — другая. Суда на веслах выворачивают поперек реки, их сносит течение. В это время в туманной синеве противоположного берега мелькает огонек, пропадает, затем снова разгорается.

(Продолжение следует)

Ольга Несмеянова
(г. Санкт-Петербург)

СВЯЗНОЙ*

Окончила Ленинградский институт авиационного приборостроения. Работает в области международных морских грузоперевозок. В 2013 году окончила курсы «Мастер текста», организованные редакцией «Астрель» в Санкт—Петербурге. Начинающий автор. Повесть «Связной» — первый серьезный дебют для широкого читателя. В ноябре 2015 года повесть вошла в лонг-лист лучших произведений молодых авторов России, на конкурсе «Литконкурс. Стихи и проза», объявленным Литературным институтом им. А. М. Горького, при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Глава 6. Чаечный остров

Утром, наскоро собравшись, и позавтракав, они упаковывались в катер. Ярко-желтый, красавец — “CROWNLINЕ”, с шашечками на борту, сверкал на солнце. Белая кожа сидений слепила глаза.

У катера был мягкий черный верх, как у кабриолета. Сейчас он был свернут, и лежал в носовом отсеке. Новенький, еще не распакованный спиннинг «Гарри Лумис», также был предметом, которым очень хотел похвастаться перед отцом Игорь.

Петрович, опираясь на сачок для рыбы, внимательно смотрел на длинные, слегка суетливые, сборы Игоря в дорогу.

— Ну как, Матвей Петрович? Нравится катер? — спросил, проходя мимо с сумкой, Игорь?

— Да, нарядно, конечно, но бесполезно,— Петрович звонко шлепнул на шее назойливую мошку.

— Это еще почему? — обиделся Игорь.

— Шумный, яркий, и рыбу распугаешь, и ненужный интерес к себе вызовешь. А кресла белые ночью надо брезентом бы прикрыть. А то, если у берега встанешь — со всего озера мошка к тебе ночевать прилетит, как на фонарь,— со знанием дела рассуждал Петрович.

Игорь нервно забросил последние пожитки и оттолкнул катер от берега.

— Ладно, поехали. До свидания! — Ему не хотелось слушать больше ничего про мошку, особенно при Светочке. Вот ведь жук, Петрович этот! Сам-то, небось, просто завидует!

— Это... Игореха! Ну, ты чего так всполошился то? Я тебе еще хотел сказать! Вы на Хонкасало рулите! Там рыбачки все по островам стоят — не скучно будет, хоть и

---

* Продолжение. Начало в № 1, 2016 «ПЗ».

немного народу — а все-таки лучше, когда живая душа рядом. Да и красота там! На Север не суйтесь! Давеча, в поселке, рыбаки поговаривали, что «лихие люди» возле тех мест появились — на островах. Оружие вроде немецкое ищут да металлы какие-то. Да и знаки «радиация» там раньше стояли. Сейчас-то пусто — нету никого. Да и рыба там не клюет. Слышь, Игорю-е-еха!

Катер, тем временем, уже отнесло на глубину.

Игорь раздраженно отмахнулся от не оценившего его приобретение старика и завел мотор. Тот громко заурчал, нарушая привычную, вековую тишину шхеры. Птицы в лесу всполошились и подняли беспорядочный крик. На середине протоки Игорь резко нажал вперед ручку газа. Катер встал на дыбы, страшно завыл — и вдруг мягко опустился в воду. Игорь добавил скорости. Шум двигателя стал тише. Судно быстро глиссировало по поверхности. Казалось, что катер летит над водой.

Петрович, смотря вслед удаляющемуся катеру, набожно перекрестил воздух: «Спаси и сохрани, дураков неразумных». Затем быстро повернулся и пошел вдоль берега к донкам, поставленным с вечера. Через пару шагов он поскользнулся и чуть не упал в огромную мокрую яму с неровными краями. Еще через пару метров он увидел несколько таких же.

— Екарный бабай! Сколько раз говорил, чтоб твари этой тут не было! Ишь! Навязался! Не отвадить никак! Зараза такая! И так тут все, что можно, уже сожрал! Еще и все донки мне переломал! А ну, кыш к себе! — в сердцах причитал на всю шхеру Петрович.

Огромная, увесистая туша вздрогнула и, шумно вздохнув, соскользнула в прохладную воду шхеры, подняв после себя мини-цунами.

— Вот, гать худая! — продолжал кричать Петрович, отряхивая с одежды потоки воды.

* * *

— А что Петрович такое страшное сказал про радиацию? — Светочка потеревала Игоря за рукав, стараясь перекричать шум двигателя.

— Ерунда! Сейчас. Загружу в «навигатор» остров, про который он вчера говорил, что красивый. Как его? На X...— Игорь водил пальцем по плоскому экрану, периодически поглядывая вперед, чтобы «вписаться» в причудливые изгибы шхеры.

— Ты что, не записал? — Светочка округлила глаза.

— Блин, Света, ты думаешь тут на «X» много островов? А, вот вроде он! Хап... Хапасаари, он, что ли? Похоже он. Непроизносимое название. Игорь нажал «выбрать» и захлопнул крышечку панели управления.— Все, едем!!! Ура!!! Путешествие началось! Держись!

На выходе из длинной извилистой шхеры Игорь так круто заложил катер в правый поворот, что Светочка плюхнулась ему на колени. Они весело засмеялись, и Игорь сделал музыку еще громче.

* * *

Зрелище свободной Ладоги было настолько прекрасным и величественным, что какое то время ехали молча, наслаждаясь открывшимся видом. По местным меркам, был штиль. Даже без ветра, легкая волна всегда присутствует на озере. Вода на горизонте сливалась с небом — все было такое безграничное, прозрачное, и в то же время насыщенное некой удивительно сильной энергией этого, без сомнения, живого организма, по имени Ладога! Дух захватывало!

— Да, недаром заграничные яхтсмены называют наше озеро — «Ладога си», что означает «море». Кстати, входит в семерку самых опасных мест для мореплавания наряду с мысом Горн,— блеснул эрудицией после недавно прочитанной брошюры Игорь.

Светочка восхищенно посмотрела на спутника.

Через пару часов «навигатор» привел их к месту назначения. Игорь в задумчивости почесал затылок, но постарался не показать вида, что ошибся.

Огромный «остров-камень» был размером с футбольное поле. Они назвали его — «Чаечный остров». Он возвышался из воды примерно на метр-полтора с гладкими спусками к воде. Было такое ощущение, что камни здесь когда-то расплавились, а потом засохли, как лава — оттого такие мягкие, теплые формы. На нем жил целый «чаечный детский сад». Только яйца и вылупившиеся пушистые птенцы. Парочке пушистиков Светочка даже помогла вылезти из уже разбитых ими изнутри яиц. Родители-чайки постоянно группами кружили над островком, принося пропитание.

Вокруг, куда хватало взгляда, не было совершенно никого. Светочка нежно обняла Игоря сзади за плечи, ласково взъерошила волосы на его затылке. Теплый ветерок подул с озера, и ему захотелось замурлыкать на весь остров, как довольному коту. Он повернулся к ней. Бирюзовое Светочкино парео, ямочки на ее щеках, серый камень, писк взъерошенных птенцов — все смешалось, как в калейдоскопе. Какое-то время они провели в уютной расщелине на краю островка. Чистый пористый камень был таким приятным, что хотелось еще полежать в этой природной люльке. «Наверное, хорошо тут ночью из тепленькой ямки смотреть на звезды»,— подумала Светочка, томно потягиваясь. Игорь не уснул, повернувшись к ней спиной, как он это всегда делает, но уже давно занимался своими делами у катера. Он прервал ее размышления.

— Свет, надо собираться. Здесь нет дров. И камни слишком гладкие внизу. Катер может унести, если волна поднимется. Якорь просто так на дне лежит — не за что зацепить. Интересно, как такое тут образовалось? Как будто камень в жидком виде в воду вылили и он застыл!

— Ну, может, после взрыва? Петрович вчера про какой-то взрыв еще рассказывал,— напомнила Светочка.

— Да мало ли о чем он там рассказывал,— пожегся Игорь, вспоминая все байки Петровича за вчерашний вечер.— Я в инете ничего такого не читал. Врет он! — отрезал Игорь.

Светочка нехотя вылезла из уютной ямки и спустилась к воде на противоположной стороне островка.

Там, в маленьком заливе, была организована целая «школа плавания». Несколько взрослых чаек, учили плавать колонию весьма уже увесистых, подросших птенцов.

Это было так трогательно, что Светочка сбегала за фотоаппаратом и начала крутиться возле них. Неожиданно, боковым зрением она увидела, как вдалеке что-то быстро поднимается из воды. Это было похоже на шланг или трубу. Светочка присела. Солнце ослепило ее. Она зажмурилась.

— И-игорь!!! — истошно закричала она.

— Что случилось? — подбежавший на крик Игорь тряс ее за руку.

— Там! Там! — Светочка показывала куда-то в сторону открытой Ладоги.

— Да что там? — Игорь всматривался в горизонт. Там ничего не было.

— Там было что-то большое. Высовывалось из воды! — простонала испуганная Светочка. Она уже ругала себя за то, что не сделала фото. Всего лишь надо было нажать кнопку, ведь камера была у нее в руках. Но она так испугалась!

— Блин, ну это же озеро! В нем живут рыбы там всякие, нерпы ладожские! Они — большие! Хватит истерить! Вся рыба сдохнет! Надо собираться, тут дров нет. Поехали! Рыбы хоть половим, если она еще жива, после твоего крика!

— А ты сейчас ловить будешь? — удивилась Светочка.

— Ты совсем что ли? Солнце высоко! Какая сейчас рыба? На зорьке вот вечерней и начнем,— Игорь плюнул с камня в воду, изображая из себя заядлого рыболова.

— Ну что, едем искать пристанище себе. Очень кушать хочется! Сейчас, заложим новый ориентир! — Игорь поднялся с нагретого солнцем камня и пошел к катеру. Светочка побрела сзади.

— Да что это такое! — Игорь колотил кулаком по экрану навигатора. Изображения не было.— Нет, ну это немыслимо! Новый, фирменный навигатор! Ну, вот куда теперь ехать?

— А бумажной карты у тебя нету? — Удивилась Светочка.

— Нету! И подозрной трубы, с рупором тоже! — зло ответил Игорь.— Может, ты и за штурвал встанешь, вместо меня?

— Да ладно, ладно. Тебе виднее, что делать. Ты — капитан.— Светочка попыталась сгладить ситуацию.— Ты же направление запомнил? Нам же все равно, какой из островов. Какой понравится — там и остановимся.

— Ну, конечно, я запомнил направление! — В голосе Игоря звучала уверенность. Но на самом деле ее не было.— Свет, дай-ка свой телефон, а то мой в машине остался, чтобы не доставали звонками. Проверю кое-что.

— Сейчас,— Светочка начала копаться в пластиковом кармашке, рядом с креслом.— Где же он? Я точно помню, что туда его положила! — она растеряно оглядывала катерок.

Игорь пошарил глазами вокруг: «Света! Вот ты, растяпа! Вон же он, около носа, на коврике валяется! Да еще и развалился на две части!»

— Наверное, выпал из кармана,— виновато забормотала Светочка, хотя точно помнила, что не брала его из катера,— И почему на две части? Их должно быть три! Еще батарея!

Батареи нигде не было. Игорь еще минут двадцать выразительно ругал бестолковую растеряху — Светочку, одновременно медленно лавируя между камнями. Светочка сидела на носу катера, виновато втянув голову в плечи, и разглядывала бамбуковый коврик под ногами.

Если бы она на миг подняла голову и посмотрела за спину Игоря, она, возможно, могла бы заметить лодочку, бесшумно отчалившую от «Чаечного острова». Лодочка быстро удалялась и вскоре совсем пропала из виду.

Глава 7. Новая встреча

Катер быстро передвигался по озеру. Пару островов уже встречались им на пути, но все что-то было не так. На одном — слишком отвесные берега, на другом — маловато дров. Несколько напрягало то, что на всем пути они не встретили не одной лодки. Но может, это и к лучшему. Пусть будет настоящее, дикое путешествие. И наконец, их взору открылся небольшой островок, по краю которого была широкая полоса пляжа с каким-то редким для этих мест совершенно белым песочком.

— Вау! — радостно запрыгала Светочка — Туда, туда!!! Баунти!!!

Островок был прекрасен! Странно, что на нем практически незаметно было обычных следов пребывания туристов. Неужели его до них никто не нашел? Необитаемый остров! Вот здорово!

Светочка втянула носом густой воздух. В нем появилась какая-то духота, как пе-

ред грозой, хотя небо оставалось чистым. Кроме того — что-то показалось ей знакомым...

В воздухе стоял тот же чуть сладковатый запах, что она ощущала и возле дома Петровича. Он не был неприятным, даже наоборот. Может, какие-то местные растения? И что-то еще настораживало ее, но что?

Она еще раз внимательно осмотрелась по сторонам — прекрасный остров, деревья, белый песок. Что же не так? Светочка на секунду замерла — насекомые! Ни одного насекомого, которых обычно копошится и летает вокруг сотни, больших и маленьких! В песке, в траве, на тропинках — муравьишки, жучки, букашки, комары — здесь не было никого!

Даже на совершенно голом «Чаечном острове» их донимали слепни и мелкая северная мошка. Их не было только в ямке-укрытии. А здесь она даже ни разу не достала из сумочки репелленты!

Неожиданно раздался протяжный гул. Потом хлопок, как будто железной дверью.

— Что это? — испугалась Светочка.

— Ну, мало ли, может, судно где-то проходит, — отмахнулся Игорь, или в катере нашем что-то хлопнуло — пойду, посмотрю.

— В катере, вообще то, все пластиковое, а это был железный звук! — не унималась Светочка.

— Слышь, хорошо! Железный звук! Надо же такое придумать. Почему — железный? Вот женщины — нафантазируют себе! Хватит саму себя пугать! Сейчас пойду и посмотрю, может, упало что. — Игорь направился к катеру. Через минуту он вернулся. Там все было нормально.

Светочка посмотрела на землю. Ни муравьев, ни букашек, ни птиц. Из всех звуков — только шум воды и этот пугающий гул. Странное место. Через минуту гул повторился — на этот раз он был громче.

— Да что же это такое то? — уже Игорь нервно вскочил с шезлонга. — Все! Хватит сидеть — пошли по острову побродим. Может там, в прошлом веке корабль затонул. ЖЕЛЕЗНЫЙ. — Он выразительно посмотрел на Светочку. — И в нем воеет ветер. Надо увидеть и успокоится, а то будем тут сидеть и думать. Пошли!

* * *

Они шли напрямую через лес, чтобы сократить путь и убедиться в наличии большого железного корабля. Ему, как самому логичному источнику странного гула, каждый из них был бы очень рад.

«Какой же я все-таки дурак! Надо было на катере обойти остров со всех сторон и проверить все! Вот, ходи теперь тут, спотыкайся», — подумал Игорь. Он ударил ногой ближайшую сосну и вдруг резко остановился, уставившись вниз.

— Это еще что?

— Где? — Светочка подошла к Игорю и посмотрела в сторону его взгляда. Сосна, на которую глядел Игорь, была частично обуглена, прямо возле корней.

— Екарный бабай!.. — на манер деда Петровича вскрикнул Игорь и начал растерянно осматриваться.

Все деревья в этой чаще были обуглены у корня! Все!

— Что это? — Безупречная и обычно спокойная Светочка вдруг превратилась в совсем маленькую, испуганную девочку, которой явно нужна защита. Она показывала красивым маникюренным пальчиком прямо себе под ноги.

— Это... я думаю, — Игорь почесал затылок. — Я думаю, во время грозы молния попала!

— Что сразу во все? — Голос Светочки стал визгливым.

— Н-не знаю... Может, что-то сюда притянуло ее. Может, какой-то слой железа внизу под островом... руда там... или что-то в этом роде.— Игорь пожал плечами.

Между деревьев появился просвет — другая сторона острова была совсем рядом.

— Давай уже дойдем до берега, и посмотрим что там? Руда, железо или корабль! — Игорь вдруг решительно пошел вперед, таща за собой спотыкающуюся Светочку.

Вид, открывшийся с противоположной стороны острова, их не обрадовал. Более того — беспокойство усилилось.

Никакого железного корабля там не было. Небольшая, очень черная туча двигалась в их направлении. Похоже, собиралась сильная гроза.

— Боже ж мой! Давай скорее к катеру — надо уезжать отсюда! — Игорь потащил Светочку обратно, вглубь чащи. Они побежали, задыхаясь, не то от приближающейся грозы, не то от внезапно охватившего их страха.

Стволы деревьев замелькали перед глазами. Пробежав несколько десятков метров вглубь острова, совсем рядом с ними, откуда-то слева и сзади, со стороны воды, снова раздался протяжный гул, похожий на стон. На этот раз он был такой громкий, что они невольно обернулись. В просвете деревьев стоял человек среднего роста. На нем было накинуто что-то напоминающее плащ-палатку.

Светочка вскрикнула от неожиданности. Человек резко обернулся. Из-под капюшона показалось багровое лицо, разрисованное синими бороздами вен. Огромные, неестественно светлые на фоне лица глаза казались пустыми и жуткими. Было такое ощущение, что с человека живьем сняли кожу.

Все трое стояли и молча смотрели друг на друга. Светочка задрожала так, что у Игоря замелькало в глазах.

Внезапно тишину нарушил звук мотора. Человек с багровым лицом вздрогнул, резко надвинул на лицо капюшон и как-то неестественно быстро и бесшумно заскользил между деревьями вглубь острова, прямо в ту сторону, где стоял их катер.

— Я боюсь,— тихо сказала Светочка, едва шевеля побелевшими губами.

— Может, тебе станет легче, но я тоже немного боюсь! — Игорь постарался улыбнуться, при этом сильно сжав ее плечо.

— Нет! Не станет! — неожиданно закапризничала Светочка.— Ты мужчина, в конце концов, или кто? Приди в себя и придумай, что нам делать! Пожалуйста! — Она умоляюще посмотрела на него полными слез глазами.

Ему вдруг захотелось, чтобы за спиной выросли крылья, как у супермена. Тогда они смогли бы улететь из этого страшного места хотя бы в домик Петровича. Но крылья не выросли. Шум мотора был уже совсем близко.

— Давай спрячемся там, на берегу, за камнем и посмотрим, кто это едет. К катеру все равно пока не пробраться.— Игорь потянул Светочку за руку, она безвольно поплелась за ним. Ее лицо напоминало застывшую маску.

Их путь лежал мимо того места, где еще недавно стоял этот страшный человек с багровым лицом, в капюшоне. Духота усиливалась. Пройдя несколько десятков метров, они увидели небольшой холмик с заросшим мхом, деревянным крестом. Светочка ухнула, как филин и схватилась руками за сердце.

— Тьфу ты, только могил нам тут не хватало! Света, не бойся! Это старая могила, наверное, военных лет. Света! Ну что ты остановилась то?— Игорь повернулся к Светочке.

На могиле, лежал большой букет свежих, полевых цветов.

— Ну, цветы, и чего? Петрович, вчера говорил что-то, про праздник наступающий церковный. Троица, вроде, называется. Наверное, накануне принято на кладби-

ще к родственникам ходить. Значит, и этот в капюшоне — обычный человек. Родственников чтит. А это значит — нет от него никакой опасности. Пошли быстрее,— от этих мыслей Игорю и самому стало легче.

— А почему тогда он от нас убежал? — не унималась Светочка.

— Боже мой, ну просто не ожидал тут на необитаемом острове тебя, красивую такую увидеть. Наверное, подумал, что ладожская нерпа превратилась в русалку. Давай ходу, пока нас с воды не видно. Успеем еще спрятаться.

* * *

К острову уверенным курсом шла большая резиновая лодка с мотором. На ней сидело три человека в гражданском камуфляже. Игорь видел похожую форму у «черных копателей» на Невском пятачке. Натуральные «лесные братья». На головах — одинаковые «банданы». На лицах — специальные черные маски от ветра.

Один из «братьев» спрыгнул с лодки на камень, чтобы пришвартовать лодку. Когда он повернулся, Игорь четко увидел перекинутую за спину винтовку. Глаза Светочки округлились от ужаса. Игорь приложил палец к ее губам: «Тсс. Не шуми только».

Двое других тем временем выгрузили со дна лодки четвертого человека. Его руки были связаны за спиной.

Человек в камуфляже нагнулся над ним. В его руке блеснуло лезвие большого ножа. Игорь подумал, что сейчас произойдет непоправимое. У Светочки вдруг громко застучали зубы. Игорь сильно зажал ладонью ее рот. По дыханию было件нятно, что она близка к истерике.

Тем временем тот тип в камуфляже поднял нож и быстро перерезал веревку, которой были связаны руки пленника.

— Пусть думают, что сам подох. Если найдут, конечно. Поделом тебе, крыса! — Он сплюнул на камень и брезгливо пнул съездившегося от ужаса человека: «Жить тебе осталось, от силы, минут сорок»,— он обернулся в сторону тучи, которая была уже совсем рядом, и уже грозно нависала, прямо над островком. Она напоминала иссиня-черный ядерный гриб. На затихшие листья уже падали редкие, крупные капли.

— Вроде, скоро начнется,— Подняв глаза к небу, продолжил «лесной брат». — Гроза-то, похоже, знатная будет! Хороший из тебя шашлык выйдет! — Он усмехнулся.— Можешь, кстати, попробовать, в воду сигануть. Вода возле острова — градусов восемь, хоть и лето. Местные говорили — подземные ключи тут. Может, и проплывешь метров сто, если повезет! Или привидение покричи — вдруг услышит! — Он громко захохотал, и повернулся к спутникам: «Погнали, парни, пока сами «под раздачу» не попали!» — Запрыгнув с камня в лодку, он по пути ловко отцепил импровизированный якорь. Мотор взревел, и они, подняв при развороте мощную волну, двинулись прочь от острова. Человек на берегу обреченно закрыл голову руками.

— Света, ты слышала, что сказал этот, с лодки? — Игорь затряс холодную руку Светочки. Его ладонь была потной, и очень горячей.

— Бежим скорее отсюда! Еще успеем отплыть! Тут опасно! — Он с силой потянул Светочку к катеру.

— Т... ты что, хочешь этого человека б... бросить здесь одного? — Светочка смотрела на него изумленными глазами. Ее зубы все еще стучали.

— Мы же его совсем не знаем! Ты видела с кем он приехал? У них свои разборки! Не думаю, что надо вмешиваться! — обдав ухо Светочки своим горячим дыханием, зло прошептал Игорь.

— Да, т... ты что, Игорек. С ума сошел? Это же человек! Надо его сейчас увезти отсюда, и посадить где-нибудь на ближайшем берегу! Я же не говорю, что надо его домой к себе везти и вникать в их отношения! Если не возьмешь его, и меня тогда

брось тут! Я все равно не смогу нормально спать потом, зная, что кто-то умер из-за меня! К тому же с ним не так страшно к катеру идти! — Голос Светочки стал твердым, в глазах появился незнакомый блеск.

Игорь на минуту задумался. С одной стороны он прекрасно понимал, что человек этот наверняка один из тех, что были в моторке. И то, что его бросили тут одного, в такой момент, значит, что он сделал что-то такое, что поразило даже этих «отморозков». Надо было оставить все, как есть, и сделать вид, что они его вообще не видели. Но они его видели. И это была проблема. А сможет ли он сам, Игорь, потом спать спокойно, зная о том, что он не только бросил тут этого «чувака», но еще и при Светочке. И больше того, она просила его спасти парня.

— А, черт с вами,— в сердцах, прошипел Игорь — Смотри только, не пожалей потом! Он решительно вылез из укрытия, и побежал по берегу — по направлению к пленнику.

* * *

Первые раскаты грома застали их уже в Ладоге. Катер во весь опор мчался прочь от зловещего острова. Порывы ветра стали такими резкими, что с каждой встречной волны внутрь судна сбивало «шапку» почти в ее половину. Все вокруг потемнело. Воздух, вода и туча слились в общем ужасающем реве. Молнии освещали небо целыми гроздьями. Большинство их било точно по островку. Даже с расстояния, сквозь гул ветра и грохот, было слышно, как трещат на нем деревья. Игорь вел катер, стараясь не пропустить сбоку коварные ладожские волны, налетающие со всех сторон, нарушая все прочитанные им в брошюрах законы течения шторма. Казалось, что катер варится в огромном кипящем чане. Так продлилось почти час. Катер подбрасывало так сильно и часто, что Игорь был даже рад, что ему не хватило денег на ту модель, что была с жесткой крышей — иначе они бы уже поразбивали себе головы. Светочка и Андрей лежали на ковре, между кресел, впившись руками в их основания. Их постоянно окатывало водой, но Андрей, так звали спасенного человека, сказал, что так безопаснее.

На вид ему было около тридцати. Высокого роста, с отросшими, выгоревшими почти добела волосами. Светло-серые глаза ярко выделялись, на загорелом лице.

Не в пример медлительному, по сто раз все перепроверяющему Игорю Андрей ловко отшвартовал катер от берега и мастерски убрал якорь. Затем так громко и четко скомандовал Игорю куда лучше рулить, чтобы ни за что не зацепиться, что спустя пару минут, они были уже далеко от опасного берега. Светочка оценила и его ловкость, и его жилистую, спортивную фигуру. Она невольно сравнила его широкую, крепкую спину с раздобревшим на офисных перекусах мяконьким торсом Игоря.

Андрей поймал ее взгляд и подмигнул. Светочка покраснела и еще крепче схватилась за ножку от кресла, за которую Андрей приказал ей держаться.

Сам он лежал тут же, через проход. Она чувствовала рядом его сильное, теплое дыхание.

* * *

Прошло еще минут сорок. Гроза еще шумела, но силы ее были уже на исходе. Волнение на озере сохранялось. Правда, волны уже не окатывали катер своими мокрыми гребнями и стали более упорядоченными.

Андрей помог Светочке подняться с пола и сесть в кресло. Теперь можно было и перекинуться парой слов.

— Хороший катер! Дорогой? — Андрей пытался перекричать шум двигателя, с интересом оглядывая красивую кожаную обшивку салона.— И аппаратура какая! Даже телевизор есть! — Глаза его заблестели.— Сколько стоит?

— Это навигатор! Катер не очень дорогой. Двадцать тысяч Евро, в кредит купил! — прокричал в ответ Игорь. Андрей удивленно поднял брови. В глазах его загорелся неподдельный интерес.

— Но модель удачная,— продолжил Игорь — Типа «кабриолет».— Игорь был рад, что есть с кем обсудить покупку.

— И с какой скоростью идет?

— Сорок пять узлов — запросто!

— Ух, ты! — Андрей присвистнул. Он уже начинал нравиться Игорю.

— А как вы с навигатором-то сюда умудрились заплывать? Здесь же раньше закрытая зона была! Да и сейчас рыбачки местные не рискуют сюда заплывать. Вы эти, как его? Экстремалы, что ли? — усмехнулся Андрей.

— Как, «зона»? — растерялся Игорь.— Мы же наоборот! На остров, этот, на Х... шли. Там вид еще красивый сверху открывается. Не помню названия. Х... Хонка... что-то там.

— На Хонкасало что ли? — Андрей гулко засмеялся — Так это в другой стороне! А это район Хейнясенмаа — самая опасная точка Ладоги, не читали что ли? Э-эх, ботаники! Тут вон только охотники за трофеями промышляют, да жертвы экспериментов по лесам бегают. Шутка! — Он опять неприятно осклабился.

— А вы кто? Охотник или жертва? — подала голос Светочка. Она все еще крепко держалась обеими руками за кресло.

— Света! — Игорь неодобрительно покачал головой.

— Я-то? Ну, скорее, охотник. Был. Вообще-то я, можно сказать, местный, хоть и уехал с родителями еще в детстве в Питкяранту. Бабка у меня тут живет, неподалеку. Работы Питкяранте нет. Бабка моя тут в лесу, подрядилась всякие травки сушить да продавать — но дохода никакого. А тут, на озере, такие штуки можно найти, что кое-кто целые состояния за это отваливает! — ухмыльнулся Андрей.

— Золото? — спросила Светочка.

— И это тоже. Но это так, если портсигар какой-нибудь шишки немецкой найдешь. Их тут много было понаехавши. Сверхоружие какое-то испытывали, вроде. На островах северных много лабораторий было. А «охотники» сейчас не на зверей охотятся, а редкие сплавы тут ищут. Говорят, нигде больше нет этого. Вроде как метеорит тут, в войну еще, взорвался — вот и от него в Ладоге кое-что осталось.

— Метеорит? Я недавно по телеку передачу про Ладогу смотрел. Про метеорит там ничего не говорили,— удивился Игорь.

— Смотри больше зомби-ящик свой! Так тебе все там и расскажут! Тут чего только нет, в Ладоге то! О, как! Тут даже свое привидение есть! — Андрей поднял вверх указательный палец с черным по краю ногтем.

Светочку передернуло от отвращения. Весь его замечательный мускулистый торс сразу перестал существовать, перечеркнутый в голове Светочки этой маленькой грязной полоской.

— Да, ладно? — изумился Игорь.— Вообще тут действительно много странного. Мы вот у одного старика в избушке, даже гламурную плитку цвета «розовый металл» видели. И еще брусок такой же. Невесомый прямо. А на вид — металлический. О как! А вроде — захолустье.

— Розовый металл? Вы оба видели? Где именно? — Андрей даже приподнялся с кресла.

— Да есть места.— Игорь на миг обернулся и многозначительно подмигнул Светочке, мол, «и у нас есть чем крыть».— А привидение-то настоящее?

— А то! Мужик на бесшумной лодке, в капюшоне. Быстро идет — не догнать! Эх, лодочку бы его заполучить,— в голосе Андрея послышалась сожаление.

Светочка вспомнила того человека на острове, у могилы. Этот Андрей уже не очень нравился ей! Даже захотелось чем-то «уколоть» его. Вскоре она сильно пожалела об этом.

— А за что они вас так? Ну, на острове? Это же могло все плохо закончиться? — спросила она ехидно. Игорь, не отрываясь от управления, вытянул назад ногу и больно наступил ей на носок мокасины.

— Хватит тебе спрашивать! Отстань от человека! Тоже мне, Пинкертон доморощенный!

— Да, дикие люди! — потянулся в кресле Андрей.— Решили, что я находку «зачнул». А это — моя вещь. Наследство, можно сказать. Дед преставился в прошлом году — я в его вещах нашел штуковину одну. Надел — решил покрасоваться. А они, братки-то, не поняли. А я всегда чувствовал, что дед мой что-то не договаривает. Уж больно он не похож был на всех, кто вокруг живет. Блондинистый такой — прям инопланетянин. Говорят, я в него. И бабуку мою, дюже любил. Прямо на руках носил и в рот смотрел. Особенно, когда она ему пела. Тьфу! — Андрей брезгливо поморщился.

— Ну, зачем вы так про бабушку? Может, у них и правда чувства были? — удивилась Светочка.

— Ох, детка! Если бы ты мою бабуку на ночь увидела — утром не проснулась бы! Сущий урод! Ноги кривые, глаза одного нет, горб во всю спину! Прямо дьявол! Говорят, в молодости еще страшнее была. В такое страшилище мог влюбиться только душевнобольной. А дед, когда напивался, все по-немецки бормотал. А как протрезвет — ничего не помнил. И про себя ничего не помнил. Может, он летчиком был, и у него парашют не раскрылся, и он так о землю долбанулся, что разум потерял, вместе с памятью.

— А как его звали? — спросил Игорь, лавируя между волнами.

— Андреем, как меня. У нас всех Андреем звали. И меня, и отца, и деда. Бабка, прямо костями ложилась за это имя. Может, поверье какое...

— Ну, имя-то можно и поменять.— Игорь уже мог не кричать. Ветер поменялся — стало не так шумно.— В советское время немцев-то не любили, сам пойми. Время такое было, нелегкое. У меня, у одного знакомого прадед французом оказался. Фамилия — Тверье. Так его деду, когда родителей арестовали, нянька, фамилию свою дала — Хренов. Ох уж и помучились с ней и он, и все его потомство! А недавно, их по инету родственники из Франции нашли. О, как бывает! Друг уже новый паспорт получил с красивой фамилией. Гордый ходит. Может, твоего деда тоже как-ким-нибудь, Хансом звали, или Зигфридом!

Андрей громко захохотал, откинув голову назад.

— А точно! Недаром мне все немецкое нравится! Вона, смотрите, какая штука! — Андрей расшнуровал ботинок, снял с левой ноги носок. На одном из пальцев был надет большой, серебряный перстень с двумя сдвоенными молниями на черном фоне.

— Блин, ногу натерла, проклятая железка! — Он вытер перстень о штанину и гордо надел на палец.— Красиво?

— Ничего,— Оценила Светочка, поморщившись от ударившего в нос, резкого запаха.— Интересная история. За это, Вас на молниевый остров высадили?

— Да не... там другое,— потянулся Андрей.— Решили, что я им спутниковый телефон и рации сломал. Там из них половина деталей пропала.

— А это не так? — Светочка, раздраженно выдернула ногу из-под тяжелой кроссовки Игоря.

— Конечно, нет! Детка,— хитро растянул потрескавшиеся губы Андрей и похотливо посмотрел на Светочку,— если тебе интересно, я тебе потом отдельно, все подробно расскажу.

Она опустила глаза и машинально застегнула доверху молнию на куртке.

— Покажи-ка! — попросил Игорь, не оборачиваясь.

Андрей, опершись о спинку Светочкиного кресла, протянул руку вперед, чтобы Игорь смог получше разглядеть кольцо.

— Ничего себе! Я такое в интернете видел! У меня одноклассник на Невском пятакче в земле роется. Всем нам мозги «загрузил» — невозможно общаться стало. Как немного «примет» — одна тема — Война Отечественная. Наивный. Думает, что если ржавые каски раскопать и перезахоронить кому-то легче станет. Там у них и родственники давно умерли, наверное. Сейчас и бабушек-то не все помнят, как звали, а тут — древность такая! — Игорь пожал плечами.

Он никогда не понимал — на фиг, все это ворошить? Да еще, за бесплатно. Он никогда бы не стал участвовать в опасном рискованном мероприятии, не приносящим прибыли.

— Так вот, они там, по ходу, и немецкие знаки изучают — чтобы не перепутать. Кстати, и в Германию потом оповещения высылают. Дескать, нашли вашего родственничка — заберите! Тоже мне — патриоты! И нашим — и вашим, получается. Так вот — я этот знак — сдвоенная молния, хорошо запомнил — больно красивый! «Научное общество «Аненербе». В переводе «Наследие предков». Какая-то элитная часть у немцев! Такие, вроде, у низших чинов были. У высших — другие. Хочешь, потом «мыло» друга дам — спишешься, поспрашаешь — люди знающие!

— Ну, спасибо, братишка! Прямо обрадовал! — Андрей звонко хлопнул по плечу Игоря.

— Да, чего уж там, «ю велком», как говорится.— Игорь переключил скорость. Катер послушно «загудел» густым басом.

Глава 8. Серая Таппи

— Ба-а-тя! — Матюшке пришлось подпрыгнуть, чтобы дотянуться до высокого подоконника.— Батя! Тебя там, в протоке, какая-то тетка кличет!

— Кто? — Петр Иванович отрезал пеньковую веревку, которой починал разорванную сеть. Гости в этих местах были крайне редки. Тем более «тетки», да еще и со стороны протоки.

Таппи Халлонен, или «Серая Таппи», как ее тут называли, сидела, сгорбившись, прямо посередине старой, кое-где заросшей мхом, небольшой лодочки и выпускала клубы едко-зеленого дыма из своей трубки.

«Часов пять плыть на этом корыте против течения от ее шхеры — не меньше. Видать что-то важное привело ее сюда»,— заволновался Петр Иванович.

Ее появление вовсе не обрадовало его.

Серую Таппи он знал с детства. У их семейства была не очень хорошая репутация.

Мать Серой Таппи — Серая Луха, была потомственной ворожеей. Серыми их прозвали из-за цвета камня. Возле их дома еще во времена прабабок вырос небольшой Серый Сейд. Говорят, не очень сильный. Или, может, Луха не использовала его в полную мощь. Она помогала местным женщинам удерживать мужей в семьях, заговаривала от пьянства да варила снадобья от бесплодия. Говорят, мужчины после ее зелья и заговоров до самой смерти с женами жили душа в душу, а на других — и не смотрели даже. Сама Луха обладала грубоватой внешностью и говорила неприятным гулким басом. Женщины, хоть немного и робели перед ней, но за долгие годы при-

выкли. К тому же заговоры и снадобья действовали исправно. Ворожея была в душе женщиной беззлобной и по-своему тянулась к людям.

Вот и Таппи она отвезла на лето в начальную школу, в поселок, чтобы вместе с другими детьми ее там научили грамоте и счету. Ее нисколько не смутило то, что школа церковно-приходская, и уроки там ведет приезжий батюшка — отец Андрей, недавно назначенный в приход. Он был высоким и статным, совсем еще молодым человеком. У него были добрые голубые глаза и русая, жиденькая по молодости, борода.

Кто был отцом Таппи, и как Серой Лухе удалось заманить его в свою землянку, никто не знал. В церкви они не венчались. Люди поговаривали, что, видать, за этот грех Таппи и родилась убогой. Хотя во времена предков никто не венчался в церкви. Все поклонялись камням и деревьям — а дети рождались нормальные. У восьмилетней Таппи было грубоватое материнское лицо и очень кривая спина. Вся ее фигура напоминала штопор. Петр видел такой в масляной лавке, в поселке. Тоненькие тугие косички торчали в разные стороны. К тому же, она жутко заикалась, чем вызывала насмешки у детей.

Отец Андрей и его молодая жена — матушка Екатерина, с первого дня взяли ее под свою опеку. Они относились к ней так, как будто она была их дочкой, которая приехала погостить на лето. Остальные дети завидовали уродливой Таппи. Строго-настрога было всем запрещено даже в шутку насмехаться и обижать девочку. Тех, кто все же пытался запустить в нее втихаря «бомбочкой» из жеваного воска или больно плюнуть из лопуховой трубочки рябиной — ругали и оставляли без хлеба в обед. Они получали лишь пустую похлебку из репы.

Матушка Екатерина занималась с ней пением — у Таппи оказался, не в пример матери, ангельский, тоненький голосок. Отец Андрей по вечерам, когда все уже готовилось ко сну, лечил от ее заикания. Он сделал ей специальный амулет — еловую шишку на пеньковой веревочке. Она носила его на шее, и когда слова застревали во рту и язык не слушался, совала шишку в рот и проговаривала сложное слово по нескольку раз.

К концу лета Таппи уже практически не заикалась. Она собирала в лесу ягоды и травы и делала очень вкусный чай, которым угощала всех детей. В ее чае чудился давно забытый вкус сахара. В глазах маленькой Таппи стали появляться веселые искорки, иногда она бедокурила, как все ребята в ее возрасте. У нее оказались очень белые, ровные зубки. Петр Иванович вспомнил, что когда она смеялась, она даже казалась ему симпатичной.

Как-то раз Матушка Екатерина не пришла, чтобы провести занятия по церковному песнопению.

На вопросы обеспокоенных учеников отец Андрей, улыбаясь, ответил, что матушка занемогла. Но немочь эта — приятная. Скоро у них родится ребеночек.

Все радостно заулыбались и принялись за занятия. Но не Таппи. Она вдруг резко побледнела и выбежала из класса. Несколько дней ее не было. Отец Андрей, с детьми обошли все окрестные рощи в ее поисках. Потом она появилась — осунувшаяся, с ободранными коленками. Отец Андрей хотел было поругать ее, но матушка настояла на прощении и пригласила на ужин. Несмотря на то, что Таппи не ела несколько дней, она отказалась. Странно сверкнув глазами, она сказала, что придет в другой раз.

Казалось все успокоилось, Таппи, как и прежде, ходила в школу. Только ни на свои занятия к отцу Андрею, ни на чай к матушке она больше не заглядывала.

Спустя две недели краснощекая и статная матушка Екатерина внезапно умерла, в страшных муках.

Перед смертью она успела шепнуть мужу, что маленькая Таппи Халлонен принесла ей травяной чай по рецепту своей бабушки. Чай был какой-то специальный, для беременных. После него ей и стало плохо.

В тот момент, когда несчастная матушка уже хрипела в агонии, в дверь вбежала взволнованная, раскрасневшаяся Таппи. Голова ее была взлохмачена, в растрепанных косичках застряли еловые иголки. В левой ручке она держала железную кружку, из которой шел пар.

— Вот! Это для матушки! — выдохнула она с порога.

Обезумевший от горя Отец Андрей, забыв про сан, схватил ее за шкуру и со страшными криками начал трясти из стороны в сторону, как нашкодившего щенка. Кружка выпала из рук девочки, горячая жидкость разлилась по полу, распространяя по комнате резкий запах. Таппи, захлебываясь от слез, вырвалась и выбежала во двор. Отец Андрей пришел от этого в совершенную ярость. Он схватил первое, что попало под руку — палку с наконечником, что служила для отбивания льняных снопов, и стал беспорядочно колотить ей съезжившуюся от ужаса в углу двора Таппи. Она закрывала голову руками и тоненько визжала, пытаясь увернуться.

Последний, страшный удар, который успел нанести отец Андрей, прежде чем вбежавшие на двор с улицы, люди схватили его за руки, пришелся в левую часть головы. Безвольно повисшие, окровавленные ручки уже не закрывали лицо, и тяжелый наконечник попал, прямо по залитому слезами, левому глазу Таппи.

* * *

Отца Андрея, после похорон жены, лишили сана и увезли в Питкяранту, в местное отделение полиции. А Таппи, всю заматанную бинтами от пояса до макушки, из поселкового лазарета забрала домой мать.

Рыдая от обиды и боли в своей землянке, кусая опухшие губы во время мучительных перевязок, Таппи никак не могла понять: «почему все случилось именно так? Чем она прогневила Бога, которому научил ее молиться отец Андрей. Может быть, она слишком тихо читала заученную молитву перед обедом и на ночь? Или он обиделся, что она иногда заикалась, в самой важной ее части?»

Вина ее доказана не была. Врач сказал, что Матушка Екатерина не была отравлена. Не было ни пены изо рта, ни рвоты. Она просто вдруг вся опухла и перестала дышать. Никакой связи со злосчастным чаем, что раньше принесла Таппи, не обнаружили. Он был тщательно проверен и не содержал ничего опасного — лишь отвар крапивы и лесной мед. Но люди подумали иначе — и злобу на их семейство затаили. После той истории они почти не выходили в люди. Да и к ним теперь опасались лишний раз соваться. Жили мать и дочь уединенно, у себя в шхере. Иногда промышляли рыбалкой. А несколько лет назад Серая Луха умерла, и Таппи осталась совсем одна. Нелюдимая. Презираемая.

Глава 9. Обмен

Тем более странно было Петру Ивановичу увидеть ее здесь, у себя, понимая, какой длинный путь ей пришлось для этого проделать.

Сколько же ей сейчас лет? Наверное, около сорока, как и ему. Да, глядя на нее, и не скажешь...

Петр Иванович, сложил руки «рупором» и прокричал: «Чего тебе надо, Халлонен? Плыви сюда!»

Серая Таппи, положив дымящуюся трубку на колени, сделала из рук такой же «рупор» и крикнула ему в ответ: «Есть разговор! Плыви ты сюда! Я — не могу!»

«Неужели работает? — заволновался Петр Иванович.— Не может быть! Хотя... что-то ведь ей мешает подплыть к берегу?»

Он наспех спустил лодку на воду и начал грести на середину протоки.

Таппи сидела вся в клубах зеленого дыма. Петр Иванович закашлялся.

— Кхе-кхе! Ну и яд ты куришь! Чего тебе?

— Яд, не яд, а силы придает. Сюда доплыла, да и на обратный путь хватит,— усмехнулась Таппи, похлопав рукой по висящему на поясе плетеному кисету.— А привело меня к тебе то, что есть у тебя кое-что для моего интереса,— она хитро сощурила единственный глаз.

— И что же это? — сделал удивленное лицо Петр Иванович.

— Не надо меня злить! — Она еще раз затянулась, выпустив очередную порцию яда прямо в лицо собеседника.— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Мужчина. С белыми волосами. Он у тебя.

— Допустим,— отмахнулся от вездесущего дыма Петр Иванович.— Зачем он тебе? Он практически не живой.

— Это уже мое дело! — Серая Таппи стряхнула пепел.— К тому же не даром. Я умею быть благодарной. У тебя, милоч, тоже есть что-то, о чем никто не знает. Никто. Кроме той, кому пар над кипящим котлом может показать все, что она попросит. Я знаю, что нужно сделать, чтобы мальчишка поправился.

— И что же?

— Отдашь то, что я прошу?

— Черт с тобой, отдам. И хватит дымить, а то у меня от кашля уже уши болят, боюсь прослушать.

— Ладно, ладно! Нежный какой! А еще мужик! — закокетничала Серая Таппи и достала из складок одежды пыльный зеленый флакон.— Вот. Будешь натошак давать. Быстро поднимется. И женке своей скажи — не надо ему совать мясные отвары! И яйца нельзя! Грибы только да ягоды! А то загубите ребенка!

Петр Иванович кивнул и оттолкнулся веслом от лодки Таппи. Он был рад, что так все складывалось. Возиться с незваным гостем ему совсем не хотелось, но и не помочь израненному человеку он тоже не мог. Пусть Таппи теперь с ним сама разбирается, раз ей так хочется.

* * *

Таппи бережно уложила почти бездыханное тело, на мягкие ветки, подсунув под голову валик из сена. Мать не ошиблась. Удача, наконец, улыбнулась ей.

Она тоже помнила тот страшный день. Добрая матушка Екатерина лежала на кровати. Лицо ее опухло до неузнаваемости. Перед глазами вновь возник отец Андрей, размахивающий у нее над головой тяжелой палкой, с грузилом на конце. До сих пор это иногда снилось ей. Она откинула с высокого, гладкого лба мужчины спутанную светлую челку. Его волосы были мягкими. Он что-то бормотал в бреду. Какое-то имя. Таппи напрягла слух: — Гр... ехен? Гретхен? Теперь это было уже не важно. Важно, что у нее все получилось. Его увечья для нее были плевым делом. Через месяц он будет на ногах. Таппи устало прикрыла глаза. Теперь можно расслабиться — на обратном пути ей поможет течение. Воспоминания вновь перенесли ее душу в далекое детство.

Когда мать привезла ее домой на трясуцей тележке, запряженной парочкой старых оленей, Таппи долго не могла оправиться от всего, что с ней было. Мать, как могла, успокаивала ее: «Не плачь, доченька! Ты же не могла знать, что она не переносит мед!».

— Нет! Я поняла потом! Но отец Андрей не пустил меня! Я бы смогла ей помочь! Я приготовила отвар из яснотки с ромашкой, как ты учила! Он бы помог! Ну почему он не пустил меня? — вновь зарыдала в голос Таппи.

— Видать, он ВЕРУ свою еще не до конца постиг, не все добро впитал,— вздохнула Серая Луха, накрывая ноги дочери лоскутным одеяльцем.

— Нет, мама. Он добрый был, добрый! Он любил меня, как родную! И матушка тоже! И я пела ей! И песни мои сработали — у нее ребеночек завелся! — всхлипывала Таппи.

— Без своих испытаний-то, легко добрым быть. На расстоянии. А как колесо судьбы самого придавит — там и становится понятно, настоящая у тебя вера или нет.— Серая Луха раскурила длинную, тонкую трубку с изогнутым краем.— Помнишь, такая красивая дама, в бричке по весне из города приезжала? На суженного погадать. Еще спрашивала, если есть что лишнее для голодающих?

— Угу,— отозвалась с лежанки Таппи,— Помню. Она еще нас поругала, что мы «черствые» и ничего не дали. Мама! Так у нас у самих-то, ведь ничегошеньки и не было!

— Так вот,— глубоко затянувшись, уже медленнее продолжила Серая Луха,— поговаривают, что мать ее, пару лет назад слегла.— Луха выпустила кольцо густого зеленого дыма. В землянке сильно запахло горелой хвоей. — Так она ее в богадельню, в Питкяранте сдала, чтобы та ей не мешала на собрания ходить, где она рассказывала, как голодающим помогать.

— Ой, грех-то какой! Как же можно родного человека на чужие руки бросить? — Таппи даже приподнялась на локте. Ей показалось, что боль, наконец, отпустила голову.

— Вот то-то и оно! Так что не переживай, доча! Значит путь у него такой, у отца Андрея. Испытание ему дается. А у тебя путь свой. И жених у тебя будет самый лучший — светлоглазый, высокий, в красивой одежде! И без глаза полюбит, не сомневайся. Он этого даже не заметит. Ты только верь, доченька! А я уж помогу чем смогу! — Луха кинула в дымящийся на очаге котел еще щепотку пахучей травы и обернулась, чтобы посмотреть на дочь. Маленькая Таппи уже сладко спала, положив под замотанную бинтами головку пухлый кулачок.

Глава 10. Наследие предков

Катерок рассекал V-образным носом, короткие, серые волны.

— А мой дед ребенком в этих местах в лагере был вместе с матерью. Мать погибла от голода, а его и еще несколько детей отсюда на нашу территорию удалось переправить. Только вот непонятно как. В архивы писали с отцом. Нет информации, ни как они отсюда выехали во время оккупации, ни в каком лагере он был. Номера у него почему-то не было на руке, которые обычно узникам ставили. Может, маленьким и не ставили? Он как-то смутно помнит. Ребенок все же. Получили ответ на запрос: «Как Мосин Игорь Абрамович 1937 года рождения оказался в Осиновце и где был до этого — неизвестно».

— Как, говоришь, твоего деда имя-отчество? — напряженно переспросил Андрей.

— Игорь Абрамович Мосин,— не оборачиваясь, ответил Игорь.— Меня в его честь Игорем назвали.

Лицо Андрея вдруг исказилось болезненной гримасой. Как будто у него внезапно прихватило сразу все зубы.

С пульта управления послышалось монотонное пиликанье.

— А это чего за «пикалка» включилась? — Андрей показал пальцем на панель управления, стараясь сделать нормальное лицо.

— Бензин в баке заканчивается! Но, это не страшно. У меня есть запасной. Надо только переключить шланги. Поможешь, Андрюха? Там задний диван надо поднимать — одному не справиться! — Игорь, наконец, обернулся к ним.

— Да, нет проблем, братишка! А рулить, кто будет? Останавливаться опасно — перевернет! И пристать нельзя — о скалы разобьет. Ладога шутить не любит.— Андрей с готовностью поднялся с кресла и подтянул штаны.

— Да Света порулит. Света, возьми штурвал! Я «самый малый» поставлю. Держи на волну аккуратненько, как я учил.— Игорь переключил ручку газа наверх.

— О, круто, братишка! Надо же! Бабу научил! — прищелкнул языком от удивления Андрей и закатил рукава штормовки. На его руках до самых локтей были татуировки со свастиками.

«Вот еще не хватало! Родственничек нашелся!» — злобно подумала Светочка, кладя руки на теплую кожу штурвала. Ее уже очень сильно раздражал Андрей, и она с нетерпением ждала, когда можно будет от него избавиться.

— Может, сначала Андрея на берег высадим, и там поменяешь, чтобы не на ходу? — Светочка уже была не рада, что так яростно заступалась за этого типа на острове.

— Эй, уважаемые, вы чего? — Андрей оперся на стекло рубки.— Места тут дикие. В этих шхерах никого нет на много километров, кроме зверей. И приставать тут к берегу я бы не стал. Даже такие «отморозки», как мои приятели — те, которых вы видели, никогда сюда не заходят. Так что давай, Игореха! Переключай свой бак, и валим отсюда.

— Света, да что с тобой? Разве можно так? Чего ты привязалась то к человеку? Давай, Андрюха, поднимаем.— Игорь начал отстегивать кнопки на заднем диване. Он опять стоял спиной к ним, на самом краю кормы.

— Осталависта, детка! — произнес Андрей, проходя мимо Светочки, и противно облизал губы.

Дурное предчувствие охватило Светочку. Игорь с помощью Андрея быстро переключил шланги и уже закрывал крышку дивана, стоя на самом краю кормы, когда Андрей быстро отошел от него и принял какую-то странную позу.

— Игорь, берегись! — закричала она, но было уже поздно.

Андрей резко подался вперед и с размаху ударил Игоря по голове кулаком. Затем сильным ударом ногой в спину столкнул его в воду. Игорь, обмякнув, грузно полетел за борт и сразу исчез из вида. Катер быстро входил в поворот шхеры.

Андрей повернулся к Светочке. Зловещая улыбка вновь обнажила золотые зубы.

— Что... что ты сделал? Зачем? За что? — в глазах Светочки застыл ужас.

— Да вот не понравился он мне! Я вообще, если хочешь знать, таких, как он, не перевариваю! На генетическом уровне! — зло закричал Андрей, но быстро справившись с яростью, вдруг заговорил более спокойно.

— Ну а теперь, детка, раз очкарик покинул нас — мы поедем с тобой к добрым дядям на один островок. За такую цыпочку, меня не только примут обратно, но еще и деньжат отвалят. А потом ты нам расскажешь, а еще лучше покажешь, где ты видела розовый металл, о котором он тут щебетал. К тому же, я теперь ценный кадр! У меня катер! — Он противно захохотал и направился к Светочке.

— Да вы что!? — Светочка попятилась спиной в сторону рубки и уперлась в штурвал. Ее рука инстинктивно пыталась найти возле него хоть что-нибудь, чем можно защититься.— Нас же найдут! Вас поймают! Такой катер — он один тут! Ж-желтый! — простонала она, еле справляясь со словами. У нее снова предательски громко застучали зубы. Андрей тоже услышал этот стук и ухмыльнулся. Ему явно нравилось ее пугать.

— Ты права, детка. Доедем до места и там его затопим! Даже если когда и найдут ваше корыто, то подумают, что опять двух «ботаников» поглотила коварная Ладога! Тут это обычное дело! А найдут не скоро, тут никого нет! Только я, ты и дяди на острове! Ну, иди ко мне, крошка. Покажи мне первому свой красивый загар! — Андрей скинул с плеч штормовку и начал надвигаться на Светочку, широко расставив руки. На его груди кроме множества других татуировок был изображен орел и большая свастика под ним.

Светочка, дрожа от ужаса, обреченно смотрела сквозь него. Бежать было некуда. Она все еще шарила руками за спиной в надежде найти хоть что-нибудь.

Вдруг совсем рядом повторился уже знакомый гул. На этот раз он был очень громким и вдруг перешел в оглушающий свист.

Андрей все еще надвигался на нее. За его спиной, поднимая столб брызг, из воды показалась огромная голова на толстой чешуйчатой шее. «Что это? Лох-Несское чудовище?» — промелькнуло в ее голове. Светочке стало так страшно, что она даже не смогла закричать. Она только открыла рот и что-то захрипела. Во рту пересохло.

«Давай, давай, бойся меня! Мне это нравится!» — Андрей несколько раз щелкнул зубами, изображая хищника.

Внезапно, почувствовав брызги сзади — он обернулся. Светочка, наконец, нащупала что-то за спиной и схватилась за предмет, пытаясь вытащить его. Это оказался рычаг газа. Катер взревел, резко задрал вверх нос. Андрей, потеряв равновесие, полетел за борт.

«Так тебе и надо, говнюк!» — промелькнуло в голове у Светочки.

Чудовище ловко поймало его на лету огромным шершавым ртом и скрылось под водой, окатив волной Светочку и катер. Он все еще шел кверху носом, потому что Светочка от шока так и не добавила скорости для глиссера.

Светочка убрала газ и в изнеможении плюхнулась на развернувшееся назад кресло. Пару раз фыркнув, двигатель захлебнулся и заглох. Катер начало раскачивать из стороны в сторону. Нащупав в кармане куртки успокоительные пастилки, купленные в аптеке на всякий случай, она сходу высыпала в рот штук пять. Пастилки были сладкими. Светочка быстро разжевала их и стала ждать. В памяти стали медленно прокручиваться фильмы про морских чудовищ, пожирающих людей. «Он такой большой! Одного Андрея ему будет мало. Сейчас он вернется за мной. Надо в последний раз посмотреть на закат», — подумала она.

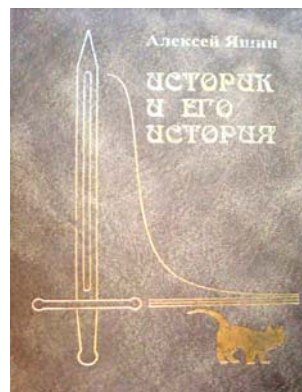
Окончание следует

Алексей Яшин
(г. Тула)

ГЛОБАЛИССИМО!

Сон в летнюю ночь после просмотра
телепрограммы Euronews*

♦ На рассвете четвертого дня, как это пишется в романах, небо на западе просветлело, а на востоке сквозь округлившиеся тучи выглянуло красное, как мужик наутро после перепоя, усталое солнце. Море сникло, волны спали, пароход медленно потащило по атлантическому течению. К концу дня они увидели землю. После десятка выстрелов из ракетницы боцмана из видневшегося порта навстречу им выбежали патрульный катер и буксир. Виктор Ильич в это время находился, как ему было и положено, в баре и только тогда узнал о счастливом избавлении, когда почувствовал толчок борта судна о пристань. Он вышел, прихватив из каюты задремавшую после трехдневной бессонницы Леночку, и узнал, что попали они в страну Пивных Людей или, как они себя пышно называли, — Пеннорадостная Страна Восходящего Хмеля.

Как только потрепанный бурей пароходик отдал швартовы, измученные пассажиры бросились к сходному трапу, но не тут-то было. Поднявшиеся на борт чиновники в мундирах пивного цвета и пробковых шлемах в форме перевернутых кружек построили их в одну шеренгу и настоятельно порекомендовали немедля изучить гимн государства на языке оригинала; вот он:

*«Эхли юртлары-туймазы бедюген,
Иш-шла! Ит-утла, фебрюген.
Рецедур талмарды эх-ушлат,
Триас боре униз вэ зегерплятт...»*

И так далее. Позднее Виктор Ильич узнал перевод слов гимна на европейский:

*«Есть в океане остров единенный,
И никогда не ступит враг презренный
В священные пределы той земли,
Где счастье деды наши обрели.*

Припев:

*Здесь найден идеал свободы,
Нигде так не живут народы,
Как в пивопенистой стране,
Где люди вольны, как нигде.*

*Мы любим нашу землю
Во хмелю и в ячмене,
И бдительность не дремлет,
А истина-то в пиве, не в вине!*

---

* Главы из романа «Историк и его История»; полный текст см. на сайте www.pz.tula.ru (раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

*Бесконечны просторы ячменного поля.
В твое счастье, свобода и воля,
Дисциплина у всех на уме,
Не спасись врагам и на Луне»*

Прекрасный гимн и, как позднее же убедился Виктор Ильич, вполне соответствует положению дел в Государстве Восходящего Хмеля.

◆ После того, как пассажиры достаточно слаженно пропели гимн, их шеренгу командой в рупор развернули в колонну по одному и свели по сходням на пристань, погрузили в крытые брезентом машины и везли, как котов в мешке, часа три; потом только выяснилось — в центр островного государства.

По прибытии куда надо, их выгрузили на окраине города прямо у входа в отель и развели по номерам. Поскольку Виктор Ильич представил Леночку портье в качестве супруги, то их отвели вместе в маленький номерок, что покорило попривыкшие к роскоши души. Однако делать было нечего. Приказав носильщику свалить в свободный угол парижское шмутье, закусив взятыми в дорогу (на судне было не до этого: Леночку рвало, а Виктор Ильич насыщал организм винными калориями) паштетом, копченым лососем и телятиной в вакуумной упаковке, запив холодный обед «Клико», усталые и измученные бурей (и баром), они по-детски заснули на отдельных монастырских кроватках, от телесного утомления даже не помышляя о греховном. Однако по усвоенной в городе Париже милой привычке Леночка машинально проглотила пилюлю, после чего разделась и, помолясь Непорочной Деве, тотчас заснула.

Виктору Ильичу всю ночь снилось продолжение начатого на пароходе коктейль-пари с боцманом. Он ворочался на непривычно жесткой и узкой кровати, во сне трансформировавшейся в неудобный узкий стульчик корабельного бара. Леночке тоже снилось невеселое, как будто таможня Государства Восходящего Хмеля конфисковала у них все парижские обнобы.

Уже к утру раздосадованный Виктор Ильич догадался расстелить на полу, между кроватями, пушистый ковер — настоящую смирну из парижских гостинцев. На него же стащил с кровати сонную спутницу жизни и путешествий, закрылся тремя норковыми манто и только после этого им обним и наяву, и в дреме стали сниться обычные прекраснотушные сны людей с отягощенными карманами и ничем не обремененной совестью.

Надо заметить, что за дни парижской жизни Виктор Ильич посолиднел телом, исчезла некая, от детских лет привязавшаяся костлявая инфантильность, а Леночка — та и вовсе пышно, но пропорционально округлила свои формы. Но это — все парижские отзвуки; сейчас же это к стране Пивных людей отношения не имеет.

◆ Утро брезжит. Оставим часа на два досыпать и миловаться наших любовников-путешественников, а пока вкратце расскажем историю Государства Восходящего Хмеля, благо не то что история, но само существование его доселе не было замечено цивилизованным миром. Равно, как и нецивилизованным.

Происхождение Государства Восходящего Хмеля, или на языке этой страны — Карримардак, как это ни удивительно, но... космическое. Дедовская их цивилизация существовала и пышно цвела на одной из планет в системе звезды — белого карлика 6-го класса в созвездии Ориона. Цивилизация прошла за десятки тысячелетий путь от неграмотных людоедов до покорителей околопланетного пространства. Жить бы им и радоваться в этом околоорионском пространстве, да идеология (как всегда и везде) подвела. Случилось, что обычные войны из-за жратвы и земельных угодий, урановых

рудников и нефтеносных пустынь понемногу переросли в идеологические битвы, как известно, самые туманные по целям, надуманные, самые жестокие, человеконенавистнические и смертоносные. Но, увы! Не в силах людей было противостоять за сотни лет до этого открытому закону необходимости противоположности для успешного развития цивилизации, хотя бы эта самая противоположность и была столь же надуманной, как и идеология. Ибо когда все сыты, то реальных противоположностей уже нет, приходится во имя исполнения общемирового закона их изобретать.

В конце концов, получилось так, что все государства планеты распределились по двум блокам, идеологии которых были искусственно объявлены противоборствующими. Поскольку к тому времени были накоплены огромные запасы военного снаряжения, то эти блоки автоматически превратились в военные лагеря. Развернулись кампании по обострению отношений, забряцали оружием обе стороны; одна готовилась выступить под лозунгом идеи о всеобщей грамотности (хотя даже человекообразные обезьяны на этой планете умели читать правительственные газеты); вторая же сторона — под девизом свободы покроя одежды, хотя и за сто лет до этого никому не возбранялось ходить хоть голым. Заметим, что и на нашей планете в давние времена случались подобные противостояния, где, например, противоборствовали идеи цветов роз, а один английский писатель-юморист обобщил все эти случаи в историю идеологии о зачистке вареных яиц...

Однако слова повлекли за собою и дела. Вся экономика перестроилась на выпуск военного снаряжения: строились новые ракетноносцы, ядерные базы, форсировано разрабатывались все новые образцы сверхнового и сверхточного оружия. Для поднятия боевого духа нации примерами из истории, воинские части, корабли, типы ракет назывались именами мифологических героев, полководцев древности и прошлых веков, королей и замечательных личностей всех времен, но — своих народов. Вся планета жила под страхом не сегодняшнего, так завтрашнего уничтожения; мир повис на волоске.

А между тем в обоих блоках было немало людей, глубоко плюющих на свободу покроя одежды и всеобщую грамотность. Эти люди по утрам собирались у пивных ларьков, киосков, палаток, бочек цистерн, в приличных — с официантами и подачей закусок — барах, в буфетах общедоступных столовых. Они пили ячменный напиток кружку за кружкой, говорили со всевозрастающим увлечением о достоинствах различных сортов пива, о женщинах, евреях (понятно, что евреи имеются на всех обитаемых планетах Вселенной), поили пивом бродячих собак, цыганят (цыгане — также неотъемлемый атрибут гоминизированной жизни на любых планетах) и собственных детей, которых навязывали им жены на прогулку, ручных ужей, кошек. Также радушно угощали народным напитком бесфамильных бродяг и дебелих баб-алкоголичек. И плевать им было на всю высокую политику и идеологию, лишь бы пиво водой не разбавляли, цены на него не повышали, споласкивали кружки и не задерживали с подвозом к точкам общепита. Единственно, в чем они твердо стояли на патриотических, даже националистических позициях — это на признании полного превосходства отечественного пива над любым импортным иностранным. Так они жили, разобщенные территориально и государственно, но единые во мнении, духе и речах. Это были глубоко спокойные и мирные люди.

♦ До поры, до времени их нехитрые и непритязательные потребности исполнялись; пиво, хотя и не строго по расписанию, но завозили; таранку и сушеных лещей можно было купить у перекупщиков на базарах; кружки мыть воды хватало. А тут как прорвало, и несчастья из черного рога изобилия посыпались на бедных любителей пива. Когда со стапелей одна за другой стали соскакивать атомные подлодки во-

доизмещением 20000 тонн с именами мифологических героев и богов, то в обоих лагерях были спешно проведены реформы, большие и малые, но задевающие покой пивных пивцов. Перестали мыть кружки, объявив воду национальным резервом на случай тотальной войны. Базары ликвидировали,— пропали таранка и лещи; над пивными очередями с утра до ночи с ревом летали на бреющем сверхзвуковые истребители, заглушая голоса беседующих и сдувая пену из кружек вместе с изрядной толикой пива.

Чем дальше, тем становилось хуже; людей стали брать прямо из пивных очередей, затаскивать на организованные митинги протеста против агрессивной политики другого блока, отправлять на двухмесячные военные сборы и пр. и пр. неприятности чинить. Грянул и последний удар грома: буфетчиц забрали судомойками в офицерские столовые, а распределение пива среди активистов и ударников-стахановцев (на той планете, естественно, были и свои Стахановы, кузнец Бусыгин и сестры Виноградовы) оборонной работы передали в ведение комитетов по стимулированию трудового энтузиазма. Все пошло прахом.

А тем временем на флангах противостоящих лагерей вспыхивали то и дело предупредительные конфликты между марионеточными республиками и княжествами; было ясно, что со дня на день посыпятся бомбы и на наших, и на ваших...

Вот тогда-то измученные, выбитые из колеи обыденной жизни любители пива, не сговариваясь, каждый в своей стране, обратились к правительствам с пацифистскими увещеваниями. Понятно, что шло это вразрез с приготовлениями, на которых наживались многомиллиардные состояния и на которые были уже потрачены доходы планеты за двадцать последних лет. Соответственно такому *status quo*, в каждом государстве быстренько, в рабочем порядке, как говорится, были проведены кампании народного возмущения отщепенцами и алкоголиками. По требованию организованного народа отщепенцы были высланы за пределы планеты на морально устаревших и списанных космических кораблях.

Всего было выслано шесть тысяч восемьсот тридцать один недовольный; за многими (но не за всеми!) последовали их жены с детьми, итого было изгоев обоего пола 12302 человека. Международная Организация Всеобщего Мира, исходя из гуманных соображений, милостливо указала им на планету, где, по их данным, наблюдались схожие биологические условия жизни. Этой планетой оказалась Земля.

После восьми лет странствий отщепенцы достигли пределов этой небольшой голубой (в физическом, конечно, толковании этого слова) планеты и высадились на изолированном водами от материковой суши большом острове. Сразу же, хорошо помня о благах всеобщей цивилизации, отгородились от аборигенов планеты, повесив над островом и примыкающей двухсотмильной зоной океана оптически- и электромагнитно-непроницаемый занавес. Так началась для них жизнь на новом месте, а для землян, на радость писателям-фантастам, появились загадки Атлантиды и Бермудского треугольника.

◆...Они затем отгородились наглухо, чтобы жить мирно и покойно, никого не задевая, и чтобы их самих оставили в покое от хлопотных дел и свершений молодой цивилизации, как-то: войны, чума, демагогия о мире и общечеловеческих ценностях. Все же до конца отгородиться от внешнего мира им не удалось, ведь занавес-то их не препятствовал «механическому» проникновению в зону острова людей с небольших судов, унесенных бурями и потерявших управление и ориентацию. Отсюда и смутные догадки о существовавшем ранее материке посредине Атлантики.

Однако самолеты, суда с навигационным оборудованием, даже атомные подводные лодки облетали и обходили зону острова стороной: завеса воздействовала соот-

ветствующим образом на компасы, радары и другое сложное оборудование. Не было никакой античной Атлантиды, но была, есть и будет страна пивных людей Карримардак, успешно прошедшая исторический путь — увы обычный! — от секты до сектантского государства тоталитарного, как сейчас говорят, типа.

Поначалу новоселы вели жизнь, подобную существовавшей на заре цивилизации в свободных греческих полисах: селились, где хотели, и занимались, чем желали. Первым же делом была составлена подробная географическая карта острова, на которую наложили геодезическую сетку с шагом 300 метров, а в узлах этой сетки с привязкой к местности были устроены пивные ларьки, киоски, павильоны, бары,— смотря по тому, в какое планируемое по генплану застройки муниципальное образование попадал конкретный узел геодезической сетки. Поля были обработаны вахтовым методом (это как у нас из НИИ и КБ в колхоз посылали) и засеяны лучшими сортами привезенных с собой ячменя и хмеля. Должности буфетчиц были строго выборными и подконтрольными сессиям народных окружных форумов. Учреждена была и государственная религия с культом Священной Матери Буфетчицы. Недолив пива после отстоя карался каторжными работами, а при рецидиве — смертной казнью утоплением в барде. В прибрежных водах ловилась в изобилии крупная тарань с икрой — дары Атлантики, из которой на номерных госрыбзаводах выделявали первосортные копчущики и бесподобную воблу. В заводах островных рек культивировали породу особо клешнястых раков. Постепенно поселенцы раскушали и не знаемые на их родной планете дары земного океана: крабов, омаров, лангустов, креветок. Народ пил из поколения в поколение прекрасного качества карримардакское пиво, плодился и, не зная о Мичурине, следовал его заветам и покорял некогда чуждую им природу второй родины.

История? — Читай и смейся, читай и плачь! Все повторяется в ней: героическое и трагифарс. Так и наш Карримардак; его жители-нонконформисты думали, улетая на чужую планету, обрести высокую свободу и душевный покой, а сами невольны, как будто кто их подталкивал, как по нотам разыграли обычную комедию цивилизации. Впрочем, достаточно рассказов по истории Карримардака; далее идет уже современность, каковой ее увидели наши герои, случайно занесенные хрестоматийной бурей через прохуdivшийся участок защитного покрова государства, которым отгородились от нового, чуждого им мира осторожные и наученные (но отнюдь не переученные!) горьким опытом пивные люди.

◆ После перенесенных тягот бури и неопределенности, скученности корабельного быта они проспали, как дети, не шелохнувшись, до позднего утра. И спали бы до полудня. Но были грубо разбужены громкой духовой музыкой под самыми окнами. Это государственный военный оркестр № 31 имени Имбирного Пива исполнял торжественную литанию «Пейте пиво спозаранку!»

Не успели Виктор Ильич и Леночка закончить утренний туалет, как в дверь вежливо стукнули. На Леночкино: «Да, да, войдите» — в проеме раскрывшейся двери объявился пришедший с визитом чиновник в пивной униформе. Поздравив с прибытием в Государство Восходящего Хмеля и извинившись за раннее вторжение,— служба, *pardon!* — попросил ответить на шестьдесят четыре вопроса анкеты. Присев на стульчик, чиновник застрочил вопросы-ответы на синих бланках опросных листов.

Виктор Ильич и Леночка, сначала недоумевая, порой смущаясь, по привычке, даже веселясь, отвечали вежливому чиновнику на всевозможные вопросы: фамилия, имя, отчество, рождение-происхождение, титул, оспопрививание, знание языков, имя троюродной бабки, степень половой близости и состоят ли в законном браке... но более половины вопросов относились к специфике государства Карримардак: какое

пиво предпочитаете — светлое, темное, портер, легкое, имбирное, горькое, с кардамоном, холодное, теплое, пенное, ячменное, кукурузное, просяное, рисовое; регулярно ли исповедуетесь у священнослужителей Матери Буфетчицы? Как предпочитаете обычно пить пиво: стоя у бочки, стоя под навесом за высоким столиком, сидя на стуле или кресле, в баре, лежа дома на диване? Из чего пить предпочитаете: из бутылки (из горла то есть), из кружки или стакана, нет ли преступной склонности доливать в пиво крепкий самогон, соблюдаете ли двойное золотое правило пивных людей: «вино на пиво — это диво, пиво на вино — г...!»? Пьете пиво утром, днем до полудня, после полудня, вечером, ночью встаете? Чем предпочитаете закусывать: устрицами, раками, креветками, кальмарами в собственном соку, копчеными угрями, миногами, солеными сигадами, сушеным снетком, таранкой, вяленым лещом, семгой, осетровым балыком, пирожками с осетровой же вязигой, бутербродами с красной икрой, соленой кумжей, отварной зубаткой, селедкой или сардинами пряного посола, килькой балтийской, шпротами, соленым сыром, рокфором, пресным сыром, овечьим или козьим сыром, зеленым армянским «сыром-лапшой», швейцарским, плавлеными сырками с тмином, мягкими молочными, крилевыми, запеченными окорочками, обмазанными креветочным маслом, маслинами, вялеными фигами, сырокопченными окорочками или колбасой, колбасой языковой, салями, сервелатом, докторской, ветчиной, корейкой, вареной грудинкой, бужениной, бутербродами с рыбной пастой, солеными фисташками и арахисом, салатом из морской капусты, сушеными акульями плавниками, зеленым горошком, бубликами, баранками, солеными сушками, сушками тминными, сухариками, гренками с маслом, зеленью, запеченной луковичей, мясом с чесночной подливкой, вяленым крабовым мясом, вареными свинными хвостиками, яйцами под майонезом, просто яйцом, начиненным кусочками маринованной сельди, сардельками, сосисками с кислой капустой, заливными куропатками, фаршированной щукой, форшмаком по-еврейски, тортю по-швейцарски, пашотом, паштетом печеночным, селедочным, мясным, шпротным, солеными яблоками или сливами, шашлыком, рыбной запеканкой, солеными галетами, копченым салом помалороссийски, салом крутосоленным, беконом прибалтийским, варено-копченой пуляжкой, колбасными обрезками, ассорти из копченостей, поросенком с гречневой кашей и хреном, просто хреном, картофелем фри, хрустящим картофелем, солеными хлебными палочками, томатным соком, помидорами, пирожками с печенкой, рыбой ассорти, мясом тушеным, требухой, вареным холодным выменем, треской вяленой, филе из голубей, сушеными рыбьими головами и пр. и пр.

Под конец опроса у Виктора Ильича затрещал от жары высохший язык,— спасти его мог только стакан пива. Леночка едва не упала в обморок, услышав, сколько закусок к пиву существует, ибо в родном своем городе *T.* она пиво не пила; в той местности женщины вообще не пили пиво (кроме редких алкоголичек и опустившихся гулящих девок и баб) и старались огибать, обходить пивные ларьки, около которых томились в многочасовых очередях грубые, злые пьяные мужчины, непрерывно матерящиеся, курящие вонючую «Приму» и «Памир», порой дерущиеся из-за порядка в очереди, бьющие друг друга по головам трехлитровыми стеклянными банками,— но что удивительно — головы были как чугунные: банка — в брызги, а голова — хоть бы что!

Также часто наблюдала она, проходя мимо: дождавшись своей очереди, пивной мужик брал три литра в банку, если только он не расколот ее о голову соседа, и еще семь невымытых кружек в пене — и пил до отупения, сидя прямо на голой земле, доливая в кружку водку или самогон, а то и просто запивая яблочным вином «червивкой». А если они и закусывали пиво, то только куском расползшейся от жары соленой скумбрии или бутербродом с мокрой «докторской» колбасой, крутыми яйцами и — великое счастье — обглоданным хвостом таранки, презентованным соседом по оче-

реди (если, конечно, они друг друга банками по голове не лупили), только приехавшим из служебной командировки в Астрахань.

А тут такое изобилие? Было от чего закружиться голове...

◆ Проставив заключительные «да-нет» в последней (Леночкиной) анкете, совершенно удовлетворенный чиновник раскланялся и вышел, разминувшись на пороге со следующим красавцем в пивном мундире. Тот сходу сообщил Леночке замысловатый комплимент, одобрил вкус Виктора Ильича, преподнесшего чиновнику манильскую сигару, и легко перешел к изложению сути своего визита. Дело в том-де, что народ Карримардака един и сплочен; это находит свое отражение в искусстве, литературе, танцах... Короче, чтобы уважаемые гости были готовы по выходу из отеля естественно вписаться в радостный мир пивной страны, они должны изучить вместе с ним популярнейшие карримардакские песни и танцы. Это очень понравилось Леночке — обладательнице легкого и приятного контральто. Виктор Ильич также снисходительно отдался обучению азам местной масс-культуры: в чужой монастырь со своим уставом не ходят!

Заручившись добровольным согласием, ласковый массовик-затейник вынул из кармана мундира губную гармошку и заиграл очень искусно мелодии, предварительно выложив перед кораблекрушенцами листы пергаментной бумаги с текстами народных песен на карримардакском языке, но пропечатанные в транскрипции латинскими буквицами.

Песни имели бодрые и веселые ритмы, явно подстроенные под хоровое исполнение, — вершину коллективного искусства, — как пояснил чиновник-затейник. Все они начинались энергичными возгласами: «Хэ тарглы! Эш-ла-бирлеги! Мап-аг-ры турманды!» и пр. Как перевел на европейский чиновник заинтересовавшегося Виктору Ильичу, — это обычные лозунги бодрых песен Пивного государства: «Эх, ухнем! Все грянем! Все вместе споем!» и пр.

После того, как они уже втроем (чиновник заменил гармошечку на магнитофонную «фанеру») довольно слаженно пропели песенный минимум, затейный чиновник показал *in vivo* основные па национальных танцевальных движений карримардакских хороводов и через полчаса покинул их, совершенно очаровав любезностью и слегка утомив кипучей энергией; на прощанье подарил им песенник и большой альбом «Ритуальные танцы Карримардака».

Далее чиновники пошли непрерывной чередой: был идеолог, довольно-таки настойчиво внушавший, что карримардакское пиво — самое свободное в продаже и распространении, самое демократичное, дешевое и лучшее в мире.

— Попрошу вас твердо это запомнить! — почти пригрозил он на прощанье.

Был чиновник из отдела политического устройства Пивного государства; он пояснил основы конституционного строя Карримардака, построенного на принципах равенства граждан перед производством, распределением и потреблением пива. Далее их посетил священник государственной религии-культы Священной Матери Буфетчицы, сходу попробовавший окрестить своих клиентов в походном пивном чане. Однако Виктор Ильич боялся простуды, а Леночка испугалась, конечно, не того, что придется раздеваться перед незнакомым мужчиной, но пивного запаха кожи, который ни задушишь никакими парижскими духами... Поэтому слегка разочарованный служитель культа ограничился тем, что оставил в номере пивную Библию — свод историй о возникновении культа Матери Буфетчицы и ее трех мучениях: искуплении недолива, греха разбавления водой водопроводной и страстей гневной очереди.

Посетили нашу парочку и интеллектуалы: историк, географ, юрист, поэт и другие. Особенно запомнился визит сексопатолога — живы и свежи в памяти дни и ночи Парижа! Человек веселой профессии объяснил основные принципы интимной жизни

трудящихся Пивной страны. Брак обязателен по достижению двадцатилетнего возраста и обязан быть счастливым. Последнее достигалось равноправием обоих полов перед потреблением пива. Половые сношения производятся по пятницам, в конце трудовой недели, с 23.20 до 00.15 следующих суток. Перед сношением оба супруга выпивают по литру портера. Внебрачная (и добрачная!) половая жизнь приравнивается к государственной измене и наказывается кастрацией мужчин и стерилизацией женщин. Впрочем, по желанию клиентов, эти мягкие меры могли быть заменены более суровыми: запрещением пить пиво. Редко кто шел на это.

◆ Много еще чего интересного рассказал сексологический чиновник-врач, но его заменил последний гость; в отличие от предыдущих, был он одет не в пивной мундир, а в партикулярное платье: кремовый плащ, шляпу, на носу имел дымчатые очки. Одно плечо гостя висело ниже другого — явно от постоянного ношения под мышкой пистолета, как догадался после окончания беседы Виктор Ильич. Это был сотрудник карримардакских органов... ну, тех самых, не половых конечно же. Он даже напугал путешественников, объясняя сурово-ласковым отеческим голосом, как следует себя вести в карримардакском государстве: чтить пиво, хвалить его, елико возможно, одобрять его непревзойденные качества, не высказывать пренебрежения к закускам, не предпочитать импортное пиво и закуску, чтить культ Священной Матери Буфетчицы, не нарушать порядка в пивных очередях и пр. Всего 87 пунктов предупреждения. В заключение гость в штатском взял с Виктора Ильича и Леночки расписку в ознакомлении с чем положено и в том, что после (нежелательного) выезда из Карримардака они в течение 25 лет не должны пить некарримардакское пиво, то есть, исходя из реалий, вообще его не пить. Подразумевалось и пожизненное молчание о существовании Пивного государства.

— Мы живем в отъединении от земной цивилизации, но наши люди есть везде и руки у нас *длинные*, — со смыслом произнес, отбирая расписки, штатский гость.

После ухода тревожного гостя других посетителей не наблюдалось, благо уже наступила ночь. День от зари до темноты прошел в содержательных беседах. На ужин принесли манную кашу. Виктор Ильич приказал выбросить ее в унитаз, взамен же попросил — к своей, из города Парижа, закуске — знаменитого карримардакского пива. Заспанный слуга испуганно икнул и ушел без ответа, пожелав доброй ночи.

Ничего не понимающие путешественники поужинали из своих запасов и, следуя наставлениям последнего визитера, помолясь на ночь Матери Буфетчице, легли поживать. Хотя была явно не пятница, и литра портера они не выпили, тем не менее... Ну, Бог с ними. И мы поспим в узких девичьих постельках, а наутро встанем свежие, безгрешные и бодрые вместе с нашими героями.

◆ Забрестило ласковое, пивное, карримардакское утро — утро социального оптимизма; так их приветствовал первый ранний гость, разумеется, одетый в пивной мундир. Был он прислан министерством пивных дел для инструктажа туристов поневоле в части питья пенистого напитка, то есть, как себя вести в священной пивной церемонии.

Гостиничный слуга вкатил столик со множеством бутылок, кружек и даже маленьким бочонком с краником. Макетирование церемонии велось, как оказалось, не натуральным пивом, а подкрашенной водой. Даже не сладкой. Когда нужно было вызвать пену (при изучении теории отстоя), то чиновник бросал в кружку щепотку соды и выливал из принесенной бутылочки несколько капель уксусной эссенции; вода начинала бурно пузыриться, делаясь подобием пенного напитка. Вот в кратком переложении суть рассказов, экспериментов и демонстраций раннего гостя, которую путешественникам следовало заучить и повторить с наглядными пособиями:

— Когда появляется желание выпить пива, либо человека побуждает к этому акту то или иное, обязательное к исполнению указание, равно как и в любом другом случае, клиент звонит в министерство пивных дел (телефон +ПИВО 222 407 — в столице и ++ПИВО 5 302 003 — в провинции), сообщает свой личный пивной номер, заменяющий в Карримардаке удостоверение личности или паспорт, свое местонахождение и желание выпить столько-то пива в каррималитрах (1 *к-литр* равен 0,737 нашего обычного литра). Телефонный автоприемник вводит данные в ЭВМ и через 0,25 секунды дает абоненту ответ: в какую пивточку следует отправиться, в какое время, а также номер очереди, сорт пива и закуски, положенные ему в соответствии с возрастом, трудовым стажем, соцпроисхождением, семейным положением, степенью благонамеренности, размером обуви и пр. Эти же данные по компьютерной телекоммуникационной сети одновременно сообщаются в указанный пивпункт.

Клиент, получив информацию, скоренько добирается до точки, которая может находиться и в противоположном конце государства, так что приходится по литере Минпивдела лететь сверхзвуковым аэробусом, сообщает секретарю буфетчицы свой шифр, она сличает с данными ЭВМ и выдает удостоверение на право занятия очереди. В очереди приходится стоять, сидеть или лежать — в зависимости от номера удостоверения. Иногда приходится жить в соседней гостинице до двух-трех дней, а то и неделю, ожидая своего часа. Время это оплачивается по среднему заработку по месту службы.

Но вот и очередь подошла. В этот день клиент, одетый в парадный мундир покроя «пивное наслаждение», подходит к двери буфета и отдает свой пропуск в очередь. Взамен ему выдается временный пропуск в буфет. Он проходит, садится за столик. Когда зал заполнится, то под руководством священника культа Матери Буфетчицы, окормляющего паству данного пивного округа, клиенты поют гимны, хоралы, восхваления пиву Карримардака — самому светлому (или самому темному), чистому и пенному в мире. После чего они отправляются отдыхать в гостиницу, а наутро идут по назначенному каждому отдельно, строго тайно указанного места выдачи пива. Обычно это пивные бочки, замаскированные под помойный ящик или телеграфный столб в чистом поле, труп сдохшей собаки, пустой бензиновый бак, а то и просто закопанная в землю на два метра вглубь бутылка с пивом. Откопав бутылку в один, два или три каррималитра и прикрепленный к ней бечевкой полиэтиленовый пакет с закуской, клиент накрывается с головой и ногами заранее припасенной светонепроницаемой накидкой, быстро пьет пиво и давится на ощупь отламываемыми кусками закуски. После чего он пишет отношение по форме *П-132бис* и вместе с пропуском в буфет, двадцатью четырьмя фотографиями 9х12 см (в фас, анфас, профиль, сзади, в рост, одетый, обнаженный, в инфракрасном свете, в ультрафиолете, в рентгене и пр.) относит в местное управление Министерства пивной отчетности.

Получив контротношение Минпивотча, клиент с веселыми песнями пивной радости возвращается в свой родной город или село и плодотворно трудится, не уставая хвалить достоинства родного карримардакского пива. Образец такой песенки:

*«О-хэй, э-хэй, туймарды череншей!
Об-бялды ушукар, эл-малы чишикар!..»* И т.п.

*(«Ох, пивка попил на славу Матери Буфетчицы,
Пивом даже алкаши от запоя лечатся!..»)*

— Несмотря на кажущуюся игривость, — пояснил чиновник, — в словах этих песен заложен огромный социальный смысл!

◆ Чиновник этот оказался неистощимым на рассказы и припевки; он просидел, протанцевал, пропел у них в номере до поздней ночи. Как и накануне, помолясь Матери Буфетчице и поужинав парижскими запасами в вакуумной упаковке, они легли спать, так и не сумев уже за двое суток хоть на минуту выйти за пределы тесного гостиничного номера.

Но вознаграждены они были наутро третьего дня заточения. Едва забрезжил рассвет, как в дверь номера вежливо постучали и порекомендовали собираться в ознакомительную поездку по гостеприимной стране пивных людей.

Не надо описывать, с каким нетерпением наши путешественники собирались выпить,— замученные речами и восжигавшими жажду прославлениями — но, увы, пока почему-то остающимся чем-то ирреальным — карримардакского пива наши путешественники.

В холле радостно встречались и обнимались-целовались, особенно дамы, вновь собравшиеся все вместе пассажиры и команда занесенного богом и бурей в неведомую страну парохода. Уже по дороге к автобусам, ждавшим у подъезда, успели выяснить: в эти два дня всех кормили манной кашей и развлекали лекциями и проповедями с танцами о чудесном пиве этой страны. Мужчины, глядя голодными волками, бешено облизывали пересохшие от издевательских речей губы и водили глазами по сторонам, надеясь узреть пивную бочку или ларек и успеть перехватить пару кружек до отправки автобуса. Увы! Пивных точек поблизости не наблюдалось.

На передних, повернутых к пассажирам креслах уселись гиды-чиновники в неизменных пивных мундирах. Автобусы тронулись, лекция-экскурсия началась. Дивные картины виделись в тот день истомленным бурей и лекциями путешественникам.

◆ Алело небо, задувал свежий рассветный ветерок. Автобусы неспешно ползли по чисто выметенным улицам города. В первые минуты езды они выглядели пустынно, но вот замелькали фигурки людей, потом группки, группы, шеренги, и вот уже автобусы робко прижались к тротуарам и остановились, пережидая; по улицам маршировали батальоны по триста человек — пятнадцать шеренг по двадцать человек, одетых в одинаковые рабочие спецовки. Изредка их перемежали батальоны в темно-коричневых пиджаках, синих рубашках и однотипных галстуках в мелкую полоску; все пиджачники имели лысины, независимо от возраста, и очки. Батальоны стекались, как понял Виктор Ильич, к центру города. Фланговые первой шеренги каждого батальона несли транспаранты. Как перевел гид-чиновник, то был лозунг дня: «Через пиво к радости и всеобщему благу!» Фланговые же задних шеренг и человек, находившийся в геометрическом центре батальона, несли развернутые фиолетовые стяги с изображением пивной кружки в обрамлении венка из мелких таранок.

Обок батальонов, впереди и сзади шли дежурные с фиолетовыми же повязками и флажками в руках: сигнальщики строя и движения. Все батальоны слаженно пели гимн Восходящему пивному дню (в переводе):

*Ночь прошла и — слава Богу,
Поскорей бы за станок,
Пива вытьем много-много,
Подрастай скорей, сынок!*

Припев:

*Прекрасная страна святого пива!
Проглотишь собственный язык.*

*Не чудо разве иль не диво,
Что к пиву так народ привык?!*

*Нет предела радости и счастью
Потрудиться в пенистой стране;
Нет у нас стоящих в стороне
От декретов, данных властью.*

*Власть и пиво — крепкое единство
И основа — трудовой народ,
А не пить — прямое свинство.
Нет у нас ни бедных, ни сирот.*

*Счастье, счастье души заполняет,
Солнце-пиво радость льет.
Ткач мундиры людям ткет,
А буфетчик пиво разливает.*

Тихая радость засветилась на чиновных лицах экскурсоводов:

— Наши славные труженики,— с гордостью пояснил старший из них и сглотнул застрявший в горле комок подавленного волнения и, стыдясь собственных слезинок радости, умиротворения и довольства, полуотвернулся к окну, смахнув бесцветные капельки рукавом пивного мундира. Кое-кто из пассажиров сочувственно кивнул головой, но грубый боцман из команды парохода, с утра успевший хлебнуть из спасенных корабельных припасов, громко и бесстыдно расхохотался: такого он и в кино не видел, не говоря уже о Дувре, Гавре и родном городке Ле-Шантелье в Северной Нормандии.

Гид обиженно и печально посмотрел на грубияна и тихо, укоряюще промолвил: нельзя смеяться над искренностью трудового порыва; лучше помолимся все вместе всепрощающей Матери Буфетчице за дарование сегодняшнему дню успехов, большой трудовой производительности и хорошего, доброго карримардакского пива всем честным (— И нечестным! — гаркнул веселый боцман) труженникам нашего земного рая — Государства Восходящего Хмеля. Встав на колени, гид прочитал в микрофон уже всем известную молитву:

*Пресвятая Мать Буфетчица!
К тебе возносим мы голос свой:
Не оставь милостью и пивом,
Даруй нам каждодневную утеху и радость,
Да преисполнится нам твоим благословением,
Да не иссохнет ячмень на наших полях,
Пиво в наших ларьках, желание пить у наших людей!*

*Священным почитанием,
Дозволенным потреблением пива,
Повышением качества его выработки,
Очищением своих душ посредством питья его,
Строгим подчинением всем поставленным над нами начальникам,
И всем другим, что угодно и желательно тебе слышать,
И видеть,*

*И обонять,
И осязать,
И чувствовать,
И внимать,
И ожидать,
И благословлять —
Всем этим благословим мы себя,
Пресвятая Мать Буфетчица,
Заступница наша,
Спасительница и надежда,
Аминь!*

Виктор Ильич увлекся и чуть было не укололся при резком повороте автобуса, ибо во время молитвы он стриг себе ногти золочеными ножничками парижского маникюрного набора Леночки, которая сама задремала от мягкого качания езды, монотонного голоса гида, а главное — Виктор Ильич, отоспавшийся от корабельной бессонницы, любил ее этой ночью с утроенной энергией...

Автобус тем временем развернулся на площади перед большими воротами, обогнав передовой батальон, а гид предложил всем выйти:

— Экскурсия по заводу пивных этикеток, это — передовой гигант отечественной индустрии,— с гордостью пояснил он.

◆ Театр начинается с вешалки, а завод — с проходной. Сколько лирико-раздумчивых песен слышал Виктор Ильич в детские и юные годы о тех заводских проходных?! Слезинка умиления выкатилась из угла левого глаза, когда он вступил в проходную завода пивных этикеток через наружную дверь.

— Это надо же,— думал он,— прожить половину жизни и ни разу не побывать на заводе, пройти через проходную... Отрывает нас гуманитарщина от истинно-здоровой жизни, от романтики проходных, уводит в беллетризованный, выхолощенный мир романов, поэзий разных, всяких там ренессансов...

Войдя в проходную, он поначалу ничего не разглядел: после низкого, бьющего в упор утреннего солнца, глаза с трудом различали в неярком электрическом свете стены; потом уже выступили потолок, люди. Боже, как испугался тогда Виктор Ильич, в панике подумавший было, что их обманом завезли в тюрьму! Впрочем, все экскурсанты-кораблекрушенцы перепугались попервоначалу, хотя если не все, то десятком другой из них в разное время своей жизни бывали на фабриках и заводах, в основном — собственных, примерно знали тамошнюю обстановку.

Итак, вот какую песенную проходную заводскую увидели Виктор Ильич, Леночка и остальные шестьдесят три гостя поневоле страны Восходящего Хмеля. Она достойна особого описания.

Это была роскошно задуманная балльная двухсветная зала, но только с наглухо забронированным окнами обоих ярусов. Стены выложены мраморными плитками с розовыми и ультрамариновыми прожилками, тщательно отполированными и лакированными; в Европе такой мрамор берут в каменоломнях Каррары; здесь же, очевидно, пропасть его месторождений, раз им облицовывали все общественные службы...

Пол выложен мозаичным, сложного рисунка паркетом из мореного дуба. С лепного потолка — целиком лепного, не только карнизы! — в центре свисала хрустальная люстра; похожую Виктор Ильич видел в Большом театре, куда не раз студентом Архивного института ходил на балкон. По углам залы-проходной висели люстры поменьше, что у нас украшают областные драмтеатры дореволюционной и сталин-

ской постройки, опять-таки хрустальные. На карнизах была устроена умелая подсветка потолочной периферии.

Но еще боле поражала меблировка проходной: залу перегораживала пополам — от одной боковой стены до другой — четырехметровая зубчатая крепостная стена с башенками-бойницами; их Виктор Ильич насчитал девять штук. Зубцы стены окутаны колючей проволокой по типу спирали Бруно.

В башенках, на верхних площадках стояли спаренные тяжелые пулеметы типа бельгийского «Кольта»; за пулеметами лежали в боевой позиции «товсь», пожирая глазам входную с улицы дверь, держа пальцы на спусковых крючках, вахтеры-охранники, одетые в верблюжьей шерсти черно-синие шинели, картузы с пивной эмблемой, штаны, чем-то отдаленно напоминающие изобретение генерала Галифэ, и в спущенные в гармошку — верх вахтерского шика! — сапоги. Кроме пулеметов, вооружены они были и личным оружием: саблей, винтовкой, ножом-тесаком, револьвером 35-го калибра и тройкой противотанковых гранат в связке. Так что и танк не смог бы безбоязненно проникнуть на территорию завода пивных этикеток. Очевидно, на всякий случай на девятой, главной башне, прямо под проходом в стене, находилась трехдюймовая пушка с лазерным прицелом. Вдоль стен на подпотолочной высоте летал кругами небольшой разведывательный вертолет с четверкой подвешенных ракет типа «воздух-земля».

На уровне человеческой головы из стен выпирали консоли-копья метровой длины, на которых была натянута колючая проволока под напряжением в 3000 вольт. В центре, под башней с трехдюймовкой, находились входные ворота, а также — люк диаметром чуть побольше полуметра; это был конец трехметровой трубы, выводившей в другую половину залы. Этим лазом люди, как пчелы в улей на вечерний сбор, проползали один за другим. Но перед люком еще следовало перепрыгнуть через основательный ров, на дне которого металась на короткой привязи два специально не кормленных с утра нубийских льва.

Женщины засопровивлялись было лезть в лаз, но любопытство, этот порок-двигатель женского ума и тела, помог им справиться с неудобством входа на завод, благо в моде в тот сезон были юбки макси, да и основной контингент путешественниц был в молодом, не старше сорока пяти лет, возрасте, так что особо-то стесняться было незачем. Дамы с ужимками и хихиканьем поползли одна за другой; мужики — кроме грубого и нахального боцмана — дипломатично отвернулись, курящие достали сигары и пачки «Мальборо». Потом вползли и они.

Виктор Ильич, проползая, успел осмотреть поверхность трубы и сообразил, что лезущих прошупывают рентгеном, магнитами и даже, как ему показалось, особыми мягкими щупальцами, выступающими вовнутрь трубы и снимающими импульсы биотоков; впоследствии догадка его подтвердилась.

Взмокший, с испариной, он выполз из трубы и поднялся, отряхиваясь, на ноги, изумляясь пуще прежнего.

♦ Вторая половина залы поражала своим изумрудного цвета мозаичным полом. Посредине стоял постамент, а на нем величественно возвышался начальник охраны, запахнутый в байроновский плащ все из того же темно-синего солдатского сукна, пахнущего револьверной смазкой. Плащ твердыми складками ниспадал на хромовые сапоги со шпорами. Голову венчала суконная треуголка с пивной кокардой. От лаза до постамента бежал и на постамент угловато изогнутой змеей вползал ковровый ход.

Гид объяснил, что каждый входящий работник ползет на коленях по ковру, взбирается на карачках на постамент и целует носок сапога начальника, после чего исповедуется в суточных грехах и с миром пропускается на завод. Зала была не пуста: в

шахматном порядке, примерно по одному на пять квадратных метров, стояли по стойке «смирно» охранники, каждый держал на длинном древке плакат с лозунгом; гид перевел на европейский некоторые, наиболее передовые:

«Опоздаешь на пять минут — сядешь на пять лет!»
«Труд на пиво — это диво!»
«Пиво и труд все перетрут!»
«Ударим по пиву!»
«Завалим этикетками всех врагов!»
«Этикеточники! Не пиво красит этикетку, а этикетка пиво!»

И так далее. Но самое главное — все четыре стены, включая крепостную перегородку, были украшены единым мозаичным панно, изображавшим радость трудящихся-этикеточников, успешно совершенствующих свое родное производство. С правой и левой сторон, на уровне восьми метров от пола, были устроены лоджии, на которых задумчиво пели хоры. Тихие и мирные мелодии чередовались с бодрыми маршами, зовущими на трудовой бой, подвиг и бессмертье.

Гости засмотрелись на все это великолепие, так что гиду пришлось вежливо их поторопить — и все взволнованной гурьбой вышли через последнюю на их пути дверь чудесной проходной и попали напрямик в гигантский цех раскроя. Работала еще третья, ночная смена, работала в последнем приступе энтузиазма. Огромные резательные машины вытягивали рулон за рулоном лощеный пергамент и штамповали из него заготовки будущих этикеток: округлые, полумесяцами с закругленными кончиками, квадратные, пятиугольные (вроде нашего обрамления «Знака качества»), ромбические, овальные. Один некрупный французский банкир пробурчал что-то насчет того, что нет этикеток в форме шестиугольной звезды...

Конвейеры безостановочно увозили продолговатые пачки заготовок в смежные цеха. Трудящиеся цеха работали молча, сосредоточенно и, как чувствовалось, с полной отдачей ума, энергии, сознательности.

По стенам цеха и на стойках пролетов висели обычные лозунги о пиве, труде и их естественной, онтологической взаимосвязи.

В следующем цехе на заготовках печатались рисунки. Присутствовавший в числе гостей-путешественников фабрикант-полиграфист из Люксембурга несколько изумился такому техпроцессу: во всем мире при изготовлении продукции типа этикеток сначала накатывают на ленту рулона рисунок, и потом уже выштамповывают форму, а здесь? Но гид, не слушая бормотанья иностранца, увлеченно объяснял, что с помощью самого совершенного в мире полиграфического оборудования здесь и еще в двух десятках печатных цехов предприятия изготавливаются этикетки для трехсот восьмидесяти двух сортов карримардакского пива — лучшего пива в мире.

Как зачарованные, шли гости, переходя из цеха в цех, которые поражали громадой пролетов, машинами, деловой обстоятельностью, громадным объемом продукции. Уже в предпоследнем цехе, где гуммировались клеящими составами тыльные стороны этикеток, гид с гордостью объяснил, что на заводе занято сорок три тысячи работников. Но самое впечатляющее зрелище ждало их не в печатных и гуммировальных цехах, не в цехе подарочно-сувенирных изделий, где изготавливали этикетки из натуральной серебряной и золотой фольги с объемным тиснением и голографическими рисунками, нет, самое поразительное ждало посетителей на складе готовой продукции. Сам склад являл собою сборный алюминиевый ангар — чудо технической мысли, под шатром которого мог бы поместиться, как объяснил гид, целиковый город с населением в пятьдесят тысяч человек. Весь этот объем занимали пачки эти-

кеток. Стеллажи растекались по всем сторонам, образуя улицы этого города, и уходили ввысь, под потолок, облаком летевший где-то на уровне натуральных гроздовых облаков. Гид с гордостью заявил, что здесь находится восемнадцать с двадцатью нулями штук этикеток.

Поскольку многим гостям трудно было представить на слух эту цифру, то улыбающийся их провожатый нарисовал длинную цифру на бумажке, показал ее и пояснил, что этим числом этикеток можно миллионы раз обложить поверхность земного шара. У гостей закружились головы.

Тем временем Виктор Ильич стал свидетелем странной, диссонансной с общим трудовым ритмом завода сценой: бродя по улицам этикеточного города, разговорившись с неким путешественником-англичанином, с которым коротал время в судовом баре, он забрел с ним в дальний конец ангара, где находилась, как он понял, тепло-централь завода. Каково же было их изумление и даже — о, этот, заразивший и их, общий энтузиазм! — негодование, когда он увидел, как рабочий хватал одну за другой пятидесятикилограммовые пачки этикеток и бросал на конвейер, а тот скидывал их в топку гудящей печи.

Англичанин, бывший профессором-филологом, за два дня успел немного освоиться с синтаксисом и словарем карримардакского языка, поэтому, составив фразу, спросил работягу: что-де он делает с этикетками, которые вроде бы и не являются браком?

Тот хмуро пробурчал нечто, поразившее профессора настолько, что он записал фразу в книжечку и... но тут завывла сирена, из проходов выскочили несколько десятков одинаково одетых в штатское человек. Старший из них ловко выхватил книжечку из рук профессора, извинившись на чистом лондонском диалекте, отыскал и вырвал нужную страничку с записью, заставил подписать того протокол о неразглашении под угрозой уголовной ответственности, приложил к голове Виктора Ильича электроды таинственного приборчика, как понял тот — с помощью анализа биоритмов головного мозга штатский убедился, что пациент не запомнил ни единой фразы на незнакомом языке. После чего их вежливо, под руки отвели к основной группе экскурсантов. Оглянувшись мимолетно, Виктор Ильич увидел нечто, помутившее на время его рассудок: вставший временно на рабочее место у конвейера, один из младших по званию штатских, вслед за очередной пачкой погрузил на движущуюся ленту прежнего работягу, и тот молча, не двигаясь, лишь закатив глаза, поехал в жерло печи...

Но и это было не все; когда они вернулись к группе, то гид уже сменился. Как шепнула Леночка, прежнего за несколько секунд до возвращения Виктора Ильича увели люди в штатском, и даже показала куда увели: по коридорчику, что вел к той же печи...

Виктор Ильич побледнел и, перекосившись обычно добродушным лицом, шепнул в ответ подружке: «Молчи, дура!» Леночка было дернулась от незаслуженной обиды, но, увидев побледневшее, с расширенными глазами лицо морганатического своего супруга, о чем-то догадалась, скорее — почувствовала и только слегка, инстинктивно прижалась к нему в знак примирения и прощения.

Новый гид сбивчиво закончил объяснения и восхваления этикеточной промышленности и быстренько вывел гостей с завода, благо наступило время пересменки.

В автобусах их повезли обедать в гостиницу. На этот раз прием пищи происходил в отдельно выделенной столовой зале; ели манную кашку — с голодухи и ее поели, какой-то салатик и все запили горьким чаем без сахара, скорее всего, чай был зеленым. Пива к разочарованию и недоумению путешественников, знаменитого пива, хотя бы одного из 382 сортов, не подали, а официанты на настойчивые просьбы пугались и скоренько убегали в служебку, притворяясь глухонемыми.

Остаток дня путешественники провели, гуляя во внутреннем скверике, смотрели в холле фильм о производстве пива в Карримардаке. Виктор Ильич все порывался уединиться с профессором-англичанином, чтобы все же выяснить: что ответил ему несчастный работяга, но как только он подходил к нему — тотчас, словно из-под земли, появлялся некто вежливый, брал его под руку и, одурманивая ласковыми объяснениями по части особенностей варения карримардакского имбирного пива, отводил в противоположный угол холла или сквера — смотря по тому, где дело происходило.

♦ В таком насыщенном разнообразии прошла неделя в Карримардаке. Горепутешественников возили по заводам пивного оборудования, собственно пивным фабрикам, мастерским варки «домашнего» пива для гурманов. Посетили они организованно и концерт песни «Пиво-83», смотрели в Национальном театре Карримардака балет «Пивной эликсир» и слушали оперу «Сладкое пиво Шербурдана» (Шербурдан — комический герой произведения). Именно из текста оперы изумленные путешественники узнали, что в Карримардаке проживают... до боли родные земные евреи; работают они преимущественно в банках, обслуживающих крупные пивные картели.

Пели гимн «Пиво превыше всего!» на вечере дружбы со студентами-пивоварами Карримардакского пивного университета имени Брыкдуша — легендарного основателя пивоварения на далекой звездной родине, духовного отца Матери Буфетчицы.

И за эти 188 часов все, что они видели (даже и во сне), слышали, обоняли — все говорило, кричало, пело, плясало о пиве, великом и счастливом Пиве Карримардака. О пиве и прекраснейших, утонченнейших закусках к нему. И не менее утонченнейшим издевательством казалось туристам поневоле то, что они за все время пребывания в этой стране не сделали ни глотка пива, а кормились — кто запасливый, тот из дорожных припасов, а иные и манной кашей на воде. Поэтому Виктору Ильичу, съевшему с Леночкой в перерывах между страстными объятиями — чем еще в Карримардаке заниматься? — все парижские остатки, пришлось-таки вызвать опекуна (хотя и дал ради спортивного интереса самому себе слово продержаться самостийно как можно дольше) и приказать набить холодильник качественной жратвой, да строго приказал зашорить глаза шпионам из лакеев и горничных, как будто холодильника для них и не существует!

Однако в тот же день возвращенного изобилия, предвещавшего долгую ночь любви и изысканных закусок, добросердечная Леночка (русского человека, даже если это женщина, скупердяйская заграница не переиначит!) позвала в номер десятков дружественных ей дам и скормила изголодавшимся все запасы, а что не скормила — раздала для бедных, сжевавших зубы на манке мужей подружек по несчастливому путешествию.

Тогда Виктор Ильич, отлучившийся на время пиршества с бесплодной целью отловить своего англичанина, снова вызвал шипшандлера* и дал указание превратить холодильник в рог изобилия. «Всю команду приходится кормить!» — пояснил он рогатому, подумавшему было с тревогой, что его протеже заболел обжорством.

...Их судно несло по запрограммированным волнам таинственного пивного моря-океана Карримардака, государства-мифа.

♦ Постепенно экипаж кораблекрушенцев по привычке к аскетически-речевой-гимновой жизни в государстве пивных людей. Нашлись и тихие радости. Дамы постарше вязали в холле, беседовали о мужьях, детях, о дикости здешних людей и нравов. Леночка, ставшая дамой-патронессой (по причине холодильника) общества, бли-

---

* Торговец, снабжающий пищевыми припасами судно на стоянке в порту.

стала своим иностранным выговором, получая от новых подруг, среди которых многие были приняты в дипломатических и светских кругах европейских столиц, восторженные похвалы.

Мужчины же отыскивали в одной из служебных комнат бильярд и дулись в американку; до дам доносилось уютное, клубное, мужское и успокаивающее, вселяющее оптимизм: «Красного от борта! — Кар-р-рамболь!!» И так далее.

В углу той же комнаты играли по крупной в покер. Словом, все устроилось. Ощущение у всех было такое, что находятся они в швейцарских Альпах, на горном курорте близ Давоса, однако сильным снегопадом их отрезало на неделю от внешнего мира. Несколько неудобно, но романтично-страшновато, словом, уютно.

В десять вечера, отказавшись от манной тюри, все общество шло в номер наших друзей. Леночка на правах хозяйки и с помощью двух-трех дам-активисток накрывали стол, подоконники, телефонную полку — все, что было плоским и возвышалось над полом. Всюду были расставлены сервизные приборы, рюмки, фужеры. Гости весело кушали омаров, черепаховый суп, настоящий английский *beef-steak* (Виктор Ильич в последний визит рогатого заказал к рогу изобилия и микроволновую печь, только-только освоенную европейской промышленностью). Устрицы запивались «Клико». К хорошему привыкаешь быстро; на третий день совместных ужинов отдельные гурманы уже привычно заказывали, рассеянно поглядывая на Виктора Ильича, на завтрашний вечер блюда китайской, европейской и еврейской кухни.

После ужина все вновь спускались в холл; мужчины захватывали из номера Виктора Ильича свежие колоды карт, ликеры из Кюрасао, коньяк, кофе, свежее, но, увы, не карримардакское, а баварское, финское, американское и английское пиво. Магнитофон фирмы «Филипс», сохраненный с корабельных времен одной бельгийской парой, дополнял уют. Веселье заканчивалось далеко за полночь.

Не стоит и уточнять смышленому читателю, что рогатый вызывался еще раз — навести шоры на глаза, уши, да и на мозги всей отельной шпионской прислуги с половины десятого вечера до трех ночи.

♦ Человек радостен и оптимистичен, как давно замечено, не в привычных роскошных и спокойных условиях жизни, нет, чаще в такой ситуации он впадает в хандру от каждодневного удовлетворения всех своих желаний. Но человек чувствует эйфорию, прилив жизненных сил, испытывает высшее наслаждение в жизни, когда он временно отстраняется от комфорта, но при неременном условии: это удаление от привычной жизни временно и не очень надолго. Именно поэтому так веселы и счастливы туристы, путешественники, командированные... да и космонавты-астронавты тоже.

Служивая же команда судна, исключая капитана, допущенного к обществу пассажиров, веселилась в своем кругу по-своему. Боцман исхитрился во время одной из фабзаводских экскурсий неприметно утащить метровую металлическую трубку и в полдня изготовил отличный самогонный аппарат. В качестве исходного продукта использовалась подслащенная манная каша. Веселая матросня сумела, обманув сверхбдительность шпионской отельной прислуги, привести откуда-то местных, карримардакских девушек, и веселье пошло не хуже чем у пассажирского салона. Самогон получался дьявольски крепким, табак в большом количестве был вынесен с родного судна, а девушки оказались очень покладистыми, умелыми в любовных делах и неистощимыми в интимных забавах. К тому же девушки приносили домашнюю закуску к самогону: котлеты и соленые огурцы. Заметим, что так никто из команды и не узнал, что девушки были агентами карримардакского разведывательного управления, специально и спешно обученные по методу Давиды Илоновой ремеслу проституток и стерилизованные, для предотвращения беременности, в обмен на орден и досрочную пенсию. И почет, само собой разумеется!

Идефикс Виктора Ильича не утихал, он все так же тщетно пытался добраться до филологического профессора и спросить: что ответил ему истопник на фабрике этикеток? Однако неизменно на пути вставал агент в партикулярном. Виктор Ильич продумывал различные варианты обойти агента; например, убедившись, что в холле или номере только свои, он закрывал на задвижки все двери, наглухо запирали форточки и направлялся к англичанину, но в тот же миг между ними вставал улыбчивый карримардакец, который по чистой случайности, как оказывалось, перед этим зашел в номер, но у него расшнуровался левый ботинок, и он, стесняясь заниматься туалетом при дамах, зашел за оконную портьеру... В версиях агенты были неистощимы. И никто из присутствующих не мог объяснить толково: откуда, как и каким образом он явился.

От волнения Виктор Ильич две ночи подряд не смог быть мужчиной. Леночка, избалованная ночным вниманием, несколько удивилась, но тотчас поумнела, успокоила своего морганатического супруга, однако испугавшийся Виктор Ильич вызвал того самого и потребовал эффективного возбуждителя. Выпив таблеток пять, он обрел самого себя, но разговора с профессором не обрел. Дьявол же отказался наотрез помогать; жратву, баб и прочее — пожалуйста, но только все чтобы было наше, земное, а эти чудаки-инопланетяне — не его компетенция, эти проходят по восьмому ведомству семнадцатой небесной канцелярии, которым заведует Ассахарит — его классовый враг.

Другая напасть с Виктором Ильичем приключилась: разболелся некогда пломбированный в родном городе зуб. Коренной. Разболелся так, что спать не давал полную ночь. К несчастью, никто из путешественников и команды (судовой подлекарь, как назло, перед рейсом сам заболел алкоголизмом и остался на берегу) не имел даже ветеринарной квалификации. Пришлось — хочешь не хочешь — обратиться к администратору гостиницы; на рога того он обиделся: опять скажет, что не по его департаменту!

Радости отельного начальника пределов не было.

♦ Весело и счастливо улыбаясь, тот тотчас позвонил за консультацией прямо в министерство пивного здоровья. Инструктировали его с полчаса, а он только выкрикивал в трубку бесконечно-утвердительные «Да-да-да» — либо веско отрицательные «Нет-нет-нет!»

Затем уже администратор консультировал Виктора Ильича; тут же махнул рукой рассыльному и велел проводить гостя, куда тому следует согласно данной министерством директиве. О, сюрприз! — У подъезда их ожидала голубая медицинская машина. Едва они успели захлопнуть дверцы, как роскошный санитарный автомобиль с ревом сирены, презирая светофоры и вопли прохожих с отдавленными конечностями, помчался на скорости, близкой к космической.

Через пять минут город остался позади, машина вырвалась на обсаженную кактусами автостраду. В стремительной езде промелькнул час, далее другой. Автомобиль огибал по радиусам объездных дорог небольшие города и деревушки, климат теплел. «На юг!» — догадался Виктор Ильич. Но обратиться за разъяснениями было не к кому: улыбчивый рассыльный и санитар не понимали по-европейски, а шофер сидел за перегородкой.

От легкой и быстрой езды зуб несколько успокоился, а владелец его задремал. Проснулся, был вечер, значит, ехали более пяти часов. Машина въезжала в большой, расцвеченный огнями город, промчалась по его проспектам и улицам и, резко сдав скорость, подкатила к мраморному, окаймленному колоннадой дворцу. На вой автомобильной сирены из подъезда выбежали многие: два санитаря с носилками, три

медсестры и один медбрат, старший и младший стоматологи, восемь зубных фельдшеров, три хирурга, семь ординаторов и одиннадцать интернов, студенты-практиканты, заместитель директора по лечебной части (начмед по-нашему), представитель прессы. Все они хором прокричали:

— *Авварум эс-эччелениум бурхарбан инишаллы, тербердум дун, тоате Карримардакум цуром бешикарналы!*

(Что означало: «Добро пожаловать, дорогой пациент, в Карримардакский Центр лечения зубов имени Пивной терапии!»).

Не успел Виктор Ильич ошарашено пробормотать о своей радости и благодарности, как уже был вознесен и помещен посередине сияющей стерильной белизной двусветной хирургической залы. В окошках второго ряда виднелись лица пришедших на операцию адъюнктов военно-медицинских пивных академий. В самом же зале собрались неспешно облаченные в серые халаты, резиновые перчатки, хирургические сапожки, с масками на лицах ведущие профессора и ординаторы Центра лечения зубов.

Медсестры быстренько готовили Виктора Ильича к операции: раздели, вымыли, попытались обрить наголо голову, но он запротестовал. Далее завернули в операционную простыню, уложили в каталку и подвезли к зубосверильному аппарату. С другой стороны к аппарату подкатили обычный — только на роликах — канцелярский стол, накрытый зеленым сукном. На столе были разложены нужные бумаги, пишущий прибор, дыропробиватель, графин с водой и стакан, да ... еще перекидной календарь.

За стол уселся секретарь операции и тотчас застрочил прото... тьфу, историю болезни и описание процесса грядущего исцеления. Профессора сгрудился у стола, оживленно переговариваясь на своей карримардакской латыни. Через четверть часа к операционному креслу Виктора Ильича пододвинули передвижную конторку с ручкой и листок пергамента. Помощник секретаря перевел содержание на европейский:

«Подписка:

Я, нижеподписавшийся (имярек — вписывается), обратился за неотложной медицинской помощью в ответственные за то органы Государства Восходящего Хмеля. Слава пиву! Слава пиву! Слава труженикам пивной промышленности!

Никто меня не принуждал к этому шагу; я добровольно отдал себя в руки медицинских пивных органов.

Мне выпала удивительно высокая честь подвергнуться сложнейшей операции в Карримардакском Центре лечения зубов имени Пивной терапии и всей оставшейся мне жизнью я буду стремиться оправдать это высочайшее доверие и любовь Карримардакского здравоохранения. Слава пиву и его доблестным производителям! Да здравствуют наши славные труженики пивной промышленности, элита класса-гегемона Государства Восходящего Хмеля!

Ура-ура-ур-рр-а-а-а!!!

(В этом месте чтение документа прервали, все профессора, санитарки, а за стеклами второго, верхнего ряда окон — адъюнкты и интерны исполнили Гимн лечебному медицинскому пиву:

Как пиво наше светлое в лечении...

...После чего чтение и синхронный перевод продолжился).

...Сознавая свой неискупаемый долг, я, со своей стороны, торжественно обязуюсь: стойко перенести операцию, не иметь — даже в потаенных мыслях — никаких претензий до, во время и в послеоперационный период, а также по поводу любых возможных отдаленных последствий.

Ни я, ни мои родственники не будем также иметь никаких претензий за возможный исход лечения, как-то: неизлечение зуба, потеря зуба, потеря всех зубов, нижней челюсти и челюсти верхней, паралич шейный и поясной, катарсис... Увы, карримардакская медицина, хотя и является самой высокоэффективной из всех мыслимых во Вселенной медицин, но природа создала наряду с живой плотью огромное число неразрешимых загадок.

Всю ответственность за всевозможные, допустимые и предполагаемые последствия я беру на себя, памятуя: никто меня сюда насильно не звал; я, лишь я и только я добровольно, безо всякого малейшего принуждения отдал себя и свое тело, и душу бессмертную в ласковые, заботливые и в меру (но — достаточную!) умелые руки карримардакских медиков.

Слава пиву! Слава преславной пивной медицине!

(Подпись)

(Отпечатки пальцев)

(Фонограмма звукового согласия в 3-х экз. прилагается)

(Дата, печать, свидетельские подписи).

Пока Виктора Ильича заканчивали готовить к операции, ведущие профессора допевали Гимн любимому пиву:

В славу, во славу нашему пивууу!

После чего хирурги и стоматологи ушли на консилиум (даже не открыв Виктору Ильичу рот), а пациента выкатили в коридор и поставили его каталку в общую очередь под номером триста шестнадцатым. Но поскольку он, опаматовавшись, запротестовал, а главное — что был он иностранцем, ему пошли навстречу и сделали снотворный укол, от действия которого Виктор Ильич очнулся только на пятые сутки, когда подошла-таки его очередь.

◆ На слабые его протесты улыбающийся начмед (замдиректора по лечебному профилю) пояснил, что-де пиво любит демократию — и наоборот, а Карримардак есть страна наидемократичнейшая, где никто не имеет привилегий... На этот раз его повезли не в роскошно-приемный протокольный зал, а в каморку с заплеванным окровавленными кусочками ваты древним зубодробильным агрегатом; такие в Европе использовали на заре электричества (до этого были с педальным механическим приводом). Рядом на колченогом сортирном табурете сидел небритый зубной фельдшер. Со страхом пересев в истертое кресло, Виктор Ильич уперся взглядом в плакат, занимавший целиком стену: «Помни: ты сам сюда пришел!» — И потерял сознание от слабости долгого наркотического сна и вонзившегося в дупло прохудившегося зуба ржавого сверла.

Его мучили с полчаса; короткие вспышки сознания чередовались с регулярными обмороками. В моменты прояснения фельдшер ловко подсовывал ему для подписи различные бумаги. Это были очередные, послеоперационные подписи о неответственности старика-фельдшера за: а) промывание полости рта; б) расчистку дупла зуба; в) зондирование дупла; г) предварительное рассверливание; д) сверление до первого болевого касания нерва; е, ё, ж... и так далее до ста тридцати пунктов (карримардак-

ский алфавит состоит не из обычных букв, а из символов того, что мы называем фонемами и аллофонами, так что запас этих символов намного больше чем в европейских языках). Кроме того, ему подсовывали всевозможные воззвания в одобрение карримардакского пива и его непревзойденных вкусовых качеств, которого, кстати говоря, Виктор Ильич так ни разу в жизни и не попробовал. Последняя бумага, которую он подписал, была расписка о неразглашении под угрозой пожизненной каторги на каменоломнях Национального синдиката по изготовлению памятников и мемориалов Матери Буфетчице.

Через сорок минут операции Виктора Ильича в полуобморочном состоянии выкатили из каморки старого сади́ста и поместили в шоковую комнату реанимационного отделения. К вечеру температура поднялась до 40,2 градусов по Цельсию, начался бред. В бреду он продолжал давать подписи и подписки.

...Еще не известно: не появилась ли бы через сутки-другие на Центральном кладбище добровольных жертв Пивной медицины могилка с надгробьем в форме пивной посуды с эпитафией: «Эхли фергюррон ишша-алы терьерды!» («Спи спокойно, наш любимый гость-чужестранец!»), — если бы обидевшийся в отместку на обиду Виктора Ильича рогатый не испугался за купленную, то есть подотчетную в финансовом плане, душу (а души замученных насмерть, как известно, попадают исключительно в рай, где юрисдикция дьявола очень и очень ограничена, почти сведена на нет праведниками), и не вынес на себе почти бездыханное тело раба-господина своего.

♦ Безо всякой техники он доставил Виктора Ильича в гостиницу к полуобезумевшей от исчезновения морганатического супруга Леночке и встревоженной недельным отсутствием благодетеля, истощенной манной диетой сотне сотоварищей по несчас..., то есть по счастью пребывания в Стране Восходящего Хмеля. Только этот поступок рогатого и спас страдальца: его быстренько привели в нормальное состояние к великой радости дьявольских сил и огорчению райских праведников. Леночка сбила температуру патентованным, закупленным в Париже американским аспирином «Упса», напоила потомочегонным, поставила перцовые горчичники на пятки; через 12 часов глубокого сна Виктор Ильич проснулся абсолютно здоровым.

Зуб, заштукатуренный строительным карримардакским цементом для подводных сооружений, не беспокоил... его вырвал еще по прибытии в гостиницу боцман — мастер на все руки — простыми электромонтерскими пассатижами, простерилизованными в кипяченом манном самогоне. Анестезию же Виктору Ильичу сделала Леночка, влив в его рот полный стакан «Камю»; остаток почти литровой посуды был вручен «за услуги» боцману. Заметим, что чуть позже, когда оклемавшийся больной вызвал рогатого, тот установил в образовавшейся пустоте искусно сделанный «а ля натюрель» протез.

Уже через два часа чудесно исцеленный со смехом вспоминал свою попытку обращения к карримардакской медицине, правда, согласно подписке не разглашая подробностей организации здешнего здравоохранения, с большим аппетитом глотал устрицы, запивая коллекционным новосветовским шампанским (не пробовавшие его ранее европейцы были поражены качеством напитка из «страны медведей и КГБ»): заставила морганатическая супруга на том основании, что-де, пока десна окончательно не зажила, нужно принимать калорийную, но нежевательную пищу, раз манная каша обрыдла...

Вечером в холле был большой прием по случаю исцеления Виктора Ильича; тезоименинник оделся в смокинг лондонского пошива. В самый разгар веселья вошел посторонний — карримардаковец в пивном мундире спецкурьера и вручил герою дня большой синий конверт с печатями. Под расписку. Важность визита была такова, что курьер прошел в холл, преодолев барьер недопуска рогатого.

В пакете содержался лист белоснежной веленовой рифленой бумаги с золотыми карримардакскими орденами по верхнему полю и типографски набранным текстом, напоминавшим, что лечение Виктора Ильича произведено совершенно бесплатно, а поскольку медорганы теперь несут ответственность за послеоперационное состояние его здоровья, то он поставлен на диспансерный учет, раз в месяц в течение двадцати пяти лет должен являться — где бы он ни жил — на освидетельствование. В конце послания стоял оттиск-факсимиле министра здравоохранения Карримардака.

Самое интересное: такие пакеты стали приносить регулярно через каждые три часа днем и ночью; их вручали лично Виктору Ильичу во время экскурсий, ужина в холле, просовывались в щель под дверь в номер. Утром их вручал сонный портье. Понятно, что чудесно излеченный их более не вскрывал, но отделаться от их вида и присутствия было невозможно: бумага конвертов и самих грамот-посланий была пропитана несгораемым и несминаемым составом. Нельзя было их и разорвать, ибо бумажная масса была нанесена на основу в виде микроскопической титановой сетки. Леночка, хозяйственная женщина, складывала их стопами в стенной шкаф. На всякий случай.

◆ Уже в первый день по бегству из Центра зубодробления Виктор Ильич ощутил грозную атмосферу: на корабле назревал бунт. Пивопенная страна приелась; осточертели агитаторы таинственного, невидимого пива, вызывала тошноту манная каша. При этих словах — пиво и каша — даже у сдержанных и владеющих собою англичан проявлялся рвотный рефлекс. Все путешественники не ходили, а бродили, опустив глаза долу, дабы не видеть плакатов, лозунгов и транспарантов прославляющих пеннистый напиток. От пивных слов и видений у всех давно уже началось хроническое, как при заболеваниях поджелудочной железы, пересыхание горла и удушающая астма. Один из матросов команды сошел с ума и разбил боцмановым самогонным аппаратом головы трем пивным чиновникам, уверяя, что-де из них должно ручьем политься пиво сорта «Старый Карримардак». Беднягу увезли на воюющей машине на вечные терзания и мучительную смерть на чужбине. Рогатый был бессилён помочь. Это стало последним удручающим аккордом.

◆ — Баста! — решительно сказал как-то поутру Виктор Ильич, увидев, что Леночка, с вечера жаловавшаяся на тоску карримардакской жизни, тихо плачет во сне, и вызвал тотчас исчадие ада. Тот было заканючил: подождите, дескать, немного, выждем момент, не хочу идти на явную конфронтацию с конкурирующими службами ада и пр., но Виктор Ильич сурово пригрозил разрывом контракта и велел немедля готовить судно в обратный путь.

Наступившей ночью рогатый самолично, переодетый карримардакским офицером, и четверо вызванных из преисподней помощников тайно отвезли на гостиничных экскурсионных автобусах путешественников и команду в порт, посадили на пришвартованное к дальнему пирсу судно, а капитану рогатый передал карту с указанием коридора-бреши в окутывающем остров-государство экране. Судно также было починено умелыми помощниками рогатого.

Весело забегала команда, боцман на время протрезвел, пароход ожил, засветился огнями и через шесть часов осторожной ходьбы в экранированных прибрежных водах (рогатый нажил массу врагов в департаментах ада, но «вырубил» на это время все радары погранохраны в секторе следования судна) они плыли по спокойному *Ocean Atlanticum* вне пределов утомительного государства.

Так они думали, но лишь через час они окончательно избавились от неусыпного глаза Карримардака, что одновременно ознаменовалось последней и самой тягостной трагедией. Как только спала суэта отъезда, Виктор Ильич разыскал на кормовой

нижней палубе того самого...— увы! Где теперь его бедная душа пребывает: успокоилась в раю или томится в аду?...— того самого знатока английской, а теперь и карримардакской филологии, и поинтересовался: а что же все-таки сказал ему этот несчастный истопник на заводе пивных этикеток?

— А знаете, очень интересную вещь он сказал: «А на хрена они нужны, эти этикетки? Ведь последняя капля пива была произведена в Карримардаке еще две сотни лет тому назад... А за домашнее пивоварение нарушителя и всех его родственников до третьего поколения заживо в землю зары...»

Не успел бедняга-профессор договорить слово, как пал с неба коршуном карримардакец в плаще и, едва коснувшись ногами палубы, в упор изрешетил филолога длинной очередью из ручного пулемета. Следующей жертвой должен был быть Виктор Ильич, но спас его все тот же боцман, проходивший мимо по своим хлопотным делам: не размышляя долго, он выхватил из кармана комбинезона свои знаменитые зубоврачебные пассатижи и грохнул ими по башке агента летучей пивной охраны.

Через пару часов команда и пассажиры выстроились для траурной церемонии морского погребения: на судне, ввиду его каботажного характера, не было соответствующих размеров морозильника. Останки бедного профессора, зашитые в мешковину и утяжеленные личной физкультурной пудовой гирей капитана, пошло на дно; в это время акулы уже обглодали труп сброшенного боцманом в океан агента в штатском.

Потрясенные трагическим событием пассажиры заснули тяжелым, но исцеляющим сном. Виктор же Ильич, как человек благородный и благодарный, прежде чем заснуть в объятиях счастливой Леночки, доделал дела совестливые. Во-первых, он через юнгу переслал спасителю два ящика с раритетным виски «Старый Уокер», боценок черной икры и метровой длины осетровый балык на закуску, две сотни коллекционных «гаван» и десять тысяч долларов наличкой. Вспомнив о пивной жажде карримардакских пленников, присовокупил и ящик портера. Через десять минут юнга возник перед Виктором Ильичом... с ящиком пива, доложил, что боцман благодарит за щедрость, явно не соответствующую такому пустяку — «подумаешь, чурку к акулам отправил... хватило бы и бутылки джина»,— а пиво возвращает, так как после карримардакского пивного издевательства этот напиток не льется в глотку: будь проклят этот Карримардак! — Такой радости в жизни лишил!

Пиво Виктор Ильич отдал просиявшему юнге; тот отнес его к себе и уже потом побежал доложить капитану, что боцман изволил уйти в запой.

Смерть профессора Виктор Ильич отчасти относил на свой счет, отчего чувствовал себя неуютно. Уточнив у старпома, составляющего официальный акт о смерти профессора, полное имя филолога, он отыскал в судовой библиотеке биографический словарь (*Dictionary of International Biography*), ежегодно издаваемый Международным Кембриджским биографическим центром, из которого с некоторым облегчением души узнал, что профессор — холостяк, как то часто бывает с людьми, полностью отдающими себя науке. Однако Виктор Ильич вызвал рогатого и, передав ему бумажку с выписанным из *Dictionary* адресом Института классической филологии Королевского научного общества, попросил перевести «от неизвестного почитателя талантов профессора» пятизначную сумму в фунтах стерлингах для основания десяти именных стипендий памяти почившего гения классического языкознания. Дьявол, ворча о непроизводительном перерасходе авансовых сумм, не осмелился возражать опечаленному другу почившего профессора.

...Проснувшись наутро, пассажиры узрели яркое солнце, вдыхали бодрящий йодистый воздух океана; события последних трех недель показались им на этом радостном фоне неправдоподобным кошмаром. Навстречу шли и весело гудели в приветствии суда, к счастью, не под пивным, а под милыми сердцам пассажиров полосатыми, голубыми, звездчатыми, крестовыми флагами непивных государств.

Из камбуза неслись возбуждающие аппетит запахи жареного мяса, сохранившегося во время пленения в своей вакуумированной упаковке. Ушедший в запой боцман орал героические песни и саги, юнга опился дармовым пивом и блевал за борт.

Еще через несколько часов дамы восторженно закричали: «Земля! Земля!» Капитан дымил презентованной Виктором Ильичем «Большой короной» и поощрительно им кивнул: да, земля...

Однако, чем ближе судно подходило к лазурному гористому берегу земли, тем больше и больше улыбка на лице капитана переходила в выражение полного недоумения. Он часто справлялся в картах и лоции, подолгу смотрел на показания компаса, подзывал старпома, вахтенного начальника, даже велел срочно вытрезвить боцмана. Все четверо совещались, уже вместе смотрели на компас и в карты, с интересом рассматривали в бинокль берега надвигающейся земли, судя по всему — острова. Надо сказать, что еще до появления земли на горизонте внезапно и непонятно почему отказала радионавигация (радиосвязь, как мы помним, была испорчена еще в первую бурю).

Уже где-то в трех-четыре милиях от берега слух сполз с капитанского мостика и промчался, вселяя тревогу, по пассажирской палубе: «Компас врет, а острова нет ни на одной карте!..» Пассажиры заволновались; был кем-то пущен встречный слух, что-де снова вышли на Карримардак, только с обратной его стороны. При слове «Карримардак» всем показалось, что, перебивая ядерный запах бифштексов, из камбуза понесло манной кашей и невещественным пивом...

♦ А навстречу судну уже мчался белоснежный патрульный катер. Как только он приблизился — с изумлением увидели воспрянувшие было духом пассажиры, рассмотрев, что люди в катере не носят треклэтой пивной униформы, но тут же и духом упавшие, что борта легкой посуды раскрашены сценами из древней, преимущественно нордического типа, героической мифологии. Люди же одеты в строгие фиолетовые мундиры, каски с мифологическими же гривами: поверх вполне современных галифе, сапог и френчей с нашивками и медалями картинно вьются пурпурные плащи древних воинов.

Катер лихо подвернул под правый борт судна, а через минуту шлемоблещущий воин рангом постарше сотоварищей-фронтвиков приветствовал пассажиров и команду со счастливым прибытием в страну Хиндельбраант или, как она еще называется, — Государство Нации Браантского Народа (ГНБН).

И еще через четверть часа переговоров *tête-a-tête* капитана с нордическим офицером все находящиеся на палубе ахнули, а кое-кто и к обмороку приблизился. Оказывается, вместо благодатной Европы, ласковых островов Карибского моря, делового Лонг-Айленда Америки, танцующих берегов Западной Африки, винодарящей горы Тенерифе Канарских островов и т.п., словом, вместо родной западно-атлантической цивилизации несчастных вновь по дурацкой невезухе (Виктор Ильич даже на минуту засомневался: не рогатый ли разыгрывает одному ему ведомую карту?) протаранило через иную брешь в магнитном экране-невидимке и протащило на остров тех самых идейных противников Карримардака, также переселившихся на Землю через пару лет после исхода пивных людей, ибо на родной планете случилась-таки война, после окончания которой планета раскололась на куски, а уцелело лишь по несколько десятков тысяч заранее эвакуированных в космос супротивников, в основном, из верхушек, военной аристократии, идеологов и ученых специалистов. Однако счастье повернулось лицом к мифологам: они атаковали и разнесли в пыль корабли противников, после чего улетели из непригодной для жизни зоны в Солнечную систему, на Землю и поселились, опутав его невидимым и непроницаемым для вещественных и

полевых средств обнаружения экраном с пятидесятимильной зоной окрестного водного пространства. Отсюда и в истории Земли не одна, а целых две загадки Атлантики: Бермудский треугольник и Атлантида.

Судно же чудом прошло в специально оставленный — для проводки агентов-наблюдателей в земной мир — секретный проход типа лабиринта. До наших героев только один корабль, ладья викингов в конце X века, попала таким же образом на остров. Пришельцы подружились с браантцами на почве любви к войнам, истории и мифологии и вскоре ассимилировались в аристократической императорской семье Хиндельбраантов, усилив их мифологемы героическими сагами суровой Скандинавии.

— Из огня да в полымя,— враз подумали затосковавшие пассажиры, но тем временем судно уже входило в военный порт (других, невоенных, здесь и не существовало), скользя на буксире к пирсу мимо серых гигантов линейных кораблей и внушающих панический ужас своей полузатопленной крутобокой мощностью атомных подводных ракетносцев высшего класса дальности действия и ядерной вооруженности «Брокендаард — Бранд II»,— как пояснил медноликий воин в боевых усах, оттопыренных по-кошачьи.

— Что-то будет?..

♦ Как и в идейно противоположном государстве Пивных Людей, в Хиндельбраанте путешественникам оказали гостеприимную встречу с пением национального гимна, с летучим экспресс-парадом гвардии гарнизона военного порта № 347, куда забрело несчастное судно, с артиллерийскими залповыми приветствиями. Затем, вручив капитану корабля символический ключ от страны, всех посадили в вагон поезда и по стратегической железной дороге № *B-51m* (буквы и цифры по сходству фонем мы примерно переводим на европейский) за шесть часов перевезли в Харбраант — столицу государства. Заметим, что, обладая страстной любовью к военному порядку, жители страны тотчас по прибытии на Землю сгладили по прямой линии собственноручно контуры острова, его заливов, русла течения рек, озер и лесов; только горы не удалось вписать в круги и прямоугольники, пришлось ограничиться эллипсами — все же правильная геометрическая фигура!

♦ ...Все эти часы поездки путешественники не отходили от окон. Чудеснейшие пейзажи предстали перед ними: ровная местность от побережья до Харбраанта была ухожена и опутана абсолютно гладкими бетонными двенадцатирядными автострадами. Между ними стояли в идеальном номерном порядке длинные низкие домбарраки, оплетенные заборами из колючей проволоки, подвешенной на белых, как зубы молодых негрятенок, изоляторах высокого напряжения. Люди в одинаковых полосатых одеждах лили воду из пустого в порожнее, а по периметрам оград маршировали в бесконечно замкнутом цикле вооруженные до зубов воины в стальных касках с шишаками и пучками перьев.

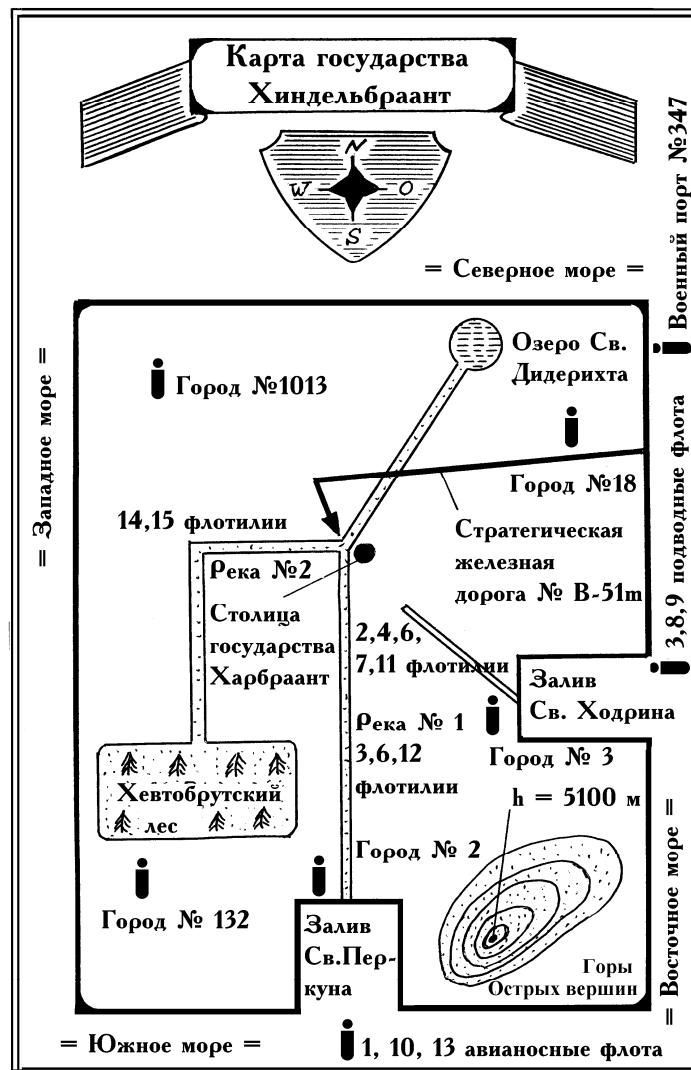
По автострадам непрерывной чередой двигались колонны крытых армейских машин, танкетки, тяжелые и средние танки, самоходки; тягачи натужно тащили платформы со стратегическими и — поменьше — оперативно-тактическими ракетами. В шахматном порядке, в узлах клеток со стороны-шагом, как на глазок определил Виктор Ильич, в два с половиной километра, расположились шахтные установки стратегических стационарных ракет. Воздух содрогался от звуков пронесившихся на сверхзвуковой скорости истребителей и штурмовиков. С вершины неба слышалось монотонное гудение сверхдальних бомбардировщиков.

— Тихо и мирно течет обычная трудовая жизнь миролюбивого Хиндельбраанта,— ласково пояснял по вагонной трансляции приставленный к путешественникам военный гид-проводник.

—Вввееее-еее-сьелооо-о! — вторили ему пикирующие штурмовики, очевидно, имитируя расстрел дорожных колонн вражеской техники и живой силы.

Путешественники интересовались у гида: что за люди в полосатых одеждах носят ведра с водой, а также что за законсервированные — ни дыма из высоких труб, ни огня, ни людей — огромные заводы, по виду металлургические комбинаты, расположены на равнине? Гид же весело отвечал, что люди в полосатых, модных в этом сезоне костюмах — невоенные жители страны; воду же они носят для гимнастических упражнений. А «заводы» — это резервации, лагеря для помещения военнопленных на случай возможной войны, которой, слава Богу, никогда не будет.

Все почему-то замолчали после такого ответа и внимательно начали всматриваться в огромные кирпичные трубы высотой до двух сотен метров. Виктора Ильича почему-то обуяла тоска и невольный страх. И всех других, как отметил он; Леночка впиалась ему в плечо. Но поезд, отвернув влево от равнины, уже влетал на всех парах в Харбраант — город серых пятиэтажных домов. Звенели на низких героических нотах и аккордах модные в этом сезоне военные оркестры.

♦ Многая мудрость приносит многие печали; многие и обильные впечатления путешествия утомляют, пресыщают душу и глаза. Но куда бы в дальнейшей его жизни судьба скитальца по собственной воле не заносила Виктора Ильича — самым кошмарным видением и явью для него оставалась память о Хиндельбраанте — государстве военных людей, очень гостеприимной стране, едином военном лагере. Помнился грандиозный военный парад в честь гостей, устроенный в столице Харбраанте, когда перед потрясенными мирными путешественниками по огромной площади Великого Орла-воина отчеканили гусиный шаг миллион меднолицых воинов в квадратных сверхбатальонах 1000×1000 человек. Два миллиона кованых сапог одновременно врезались в гранит площади, заглушая звуки большого церемониального марша «Хиндельбраант царствует над всеми!»

Помнился прием военным президентом государства, исполнявшим заодно и обязанности (не предусмотренного конституцией) гражданского главы государства. После напыщенной церемонии гости возложили венки к подножию километровой высоты монумента — к памятнику легендарного основателя Хиндельбраанта Дюрхику-воителю.

*Легендарный родоначальник династии императоров
Хиндельбраанта*

(Гравюра с картины из областного Военно-исторического музея города № 132
государства Хиндельбраант)

Леночка в придворном женском мундире на малом военном параде, устроенном в честь гостей-путешественников в окрестностях города-санатория № 2

Далее следовали многочисленные ознакомительные поездки по стране. На севере их радушно встречал город № 1013 — построение военно-поселенческого типа. Не жились они на пляжах южного города № 2, города-санатория, битком набитого военными отпускниками, прибывшими сюда для поправки расстроенного в ратном труде бесконечных маневров и учений здоровья, а так как человек без мундира — это не военный вовсе человек, то им разрешалось — со скидкой на пляж — загорать, сняв галифе и сапоги; каски же и китель снятию не подлежали. Очень странно гляделись отдыхающие и купающиеся в полумундирах воины Хиндельбраанта!

В городе № 132 видели они поселение воинов-свиноводов; люди в мундирах работали на гигантских высокомеханизированных фермах-конвейерах, снабжавших беконом, ветчиной, окороками и холодцом все островное государство.

Наблюдали гости большое показательное учение-сражение между 5-ой и 14-ой флотилиями, что базировались при впадении реки № 2 в реку № 1 — величавую красу Хидельбраанта, протянувшуюся своим расчищенным фарватером с севера на юг острова.

На реке № 3, впадающей в Восточное море, любовались с экскурсионных вертолетов на отработку смешанных речно-морских сражений: 2,4,7 и 11-я усиленные авиацией флотилии реки № 3 храбро и умело обороняли устье — на траверзе города-крепости № 3 — от вторжения 3, 8 и 9-го подводных флотов.

В горах Острых вершин путешественники с замиранием сердца смотрели, как группа военных альпинистов с невероятным риском для жизни взбирается по отвес-

ной стороне на высочайший пик Государства (5100 метров над уровнем моря) для водружения бюста Дюрхику-воителю. На противоположном, западном берегу острова, в легендарном Хевтобрутском лесу Виктор Ильич, Леночка и остальные путешественники лично видели, как на их ошеломленных глазах сдвигались целые горы, поросшие хиндельбраантской сосной (лучший материал для ружейных лож), а в открывшихся провалах глубоких шахт маслянисто блистали корпуса огромных стратегических ракет; один такой прибор мог уничтожить весь гнусный Карримардак,— пояснил военный гид и продолжал, что-де таких ракет только на стартовых площадках Хевтобрутского военно-лесного округа восемь тысяч штук!

В конце концов, продемонстрировав все свое небывалое могущество, их миром — к удивлению крайнему! — отпустили восвояси после прощального банкета у милитер-президента, который многозначительно и не единожды говорил:

— Так расскажите у себя дома, что вы видели; мы люди мирные, но, как все убедились, сможем в случае чего постоять за себя! (Как уже потом сообразил Виктор Ильич, не видеть бы им всем свободы, если бы подозрительные жители военной страны не приняли их за шпионов Карримардака!?)

♦ Путешественников отвезли обратно в военный порт № 347, куда прибыл их корабль. Излишне и говорить, что они с трудом узнали свое мирное судно: щедрые хиндельбраантчане бескорыстно подремонтировали потрепанный волнами ковчег путешественников не по своей воле. Теперь это был выкрашенный в серую («шаровую») военно-морскую эмаль броненосец. На случай встречи с гнусными карримардакскими лоханками на верхнюю палубу установили два орудия среднего калибра, лазерную пушку, три касетные установки тактических ракет класса «земля — воздух». Такие же установки были встроены в бортовые ниши-площадки. Под ватерлинией угадывались носовые и кормовые торпедные аппараты. Борты обшили бронеплитами и судно надежно скрыло большую часть своего тоннажа под водой.

Не узнали попервоначально путешественники и команду судна, не взятую на экскурсию. Теперь перед ними выстроились в идеальную шеренгу по двое прошедшие ускоренные флотские курсы, подтянутые, обмундированные военные моряки.

Боцман, трезвый до безумия, просвистал команду: «Смир-р-р-на!» Моряки выстроились на юте, а капитан корвета отрапортовал признанному дуайену путешественников Виктору Ильичу о своей готовности домчать их на скорости сорок узлов куда угодно.

Поприветствовав своих подопечных, матросы лихо и деловито заносились по палубам и рубкам.

Виктор Ильич рапорт принял, одобрил внешний вид и выpravку экипажа и приказал держать твердый курс на Европу. Пассажиры разошлись по военизированным своим каютам, а броненосец, разведя пары, под салют портовой артиллерии покинул военно-гостеприимный остров. Снова в океан!

Виктору Ильичу почему-то пришло на ум из писания: *«Потому сказываю вам, что отнимается от вас царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его».*

